

Александр Островский

Женитьба Белугина

Александр Николаевич Островский
Женитьба Белугина

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=21119462

Содержание

Александр Николаевич Островский	6
ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:	7
ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ	9
ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ	10
ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ	14
ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ	15
ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ	20
ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ	21
ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ	23
ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ	24
ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ	25
ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ	26
ЯВЛЕНИЕ ДЕСЯТОЕ	29
ЯВЛЕНИЕ ОДИННАДЦАТОЕ	31
ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ	33
ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ	34
ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ	35
ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ	39
ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ	41
ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ	43
ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ	50
ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ	52
ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ	53

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ	56
ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ	58
ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ	59
ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ	60
ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ	62
ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ	66
ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ	69
ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ	71
ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ	74
ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ	77
ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ	80
ЯВЛЕНИЕ ДЕСЯТОЕ	82
ЯВЛЕНИЕ ОДИННАДЦАТОЕ	84
ЯВЛЕНИЕ ДВЕНАДЦАТОЕ	86
ЯВЛЕНИЕ ТРИНАДЦАТОЕ	88
ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ	90
ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ	91
ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ	92
ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ	95
ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ	99
ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ	102
ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ	106
ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ	107
ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ	108
ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ	110
ЯВЛЕНИЕ ДЕСЯТОЕ	114

ЯВЛЕНИЕ ОДИННАДЦАТОЕ	115
ЯВЛЕНИЕ ДВЕНАДЦАТОЕ	116
ДЕЙСТВИЕ ПЯТОЕ	118
ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ	119
ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ	122
ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ	124
ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ	127
ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ	128
ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ	130
ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ	133
ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ	135
ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ	138
ЯВЛЕНИЕ ДЕСЯТОЕ	140
ЯВЛЕНИЕ ОДИННАДЦАТОЕ	142

**Александр Николаевич
Островский
Женитьба Белугина**

Комедия в пяти действиях

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Гаврила Пантелеич Белугин, богатый купец, фабрикант, лет 55-ти; живет постоянно на фабрике, верстах в шестидесяти от Москвы, изредка приезжает в Москву к сыну.

Настасья Петровна, жена его, полная женщина; одевается по-русски; темное шелковое платье, большой шелковый платок, голова повязана.

Андрей Гаврилыч, их сын, лет 27-ми; одет современно, но с некоторым оттенком франтовства; живет постоянно в Москве, занимается делами отца и имеет свои обороты.

Василий Сыромятов, молодой, богатый фабрикант, сосед старика Белугина по фабрикам, приятель Андрея; одет небрежно, панталоны в сапоги; немного щеголяет простонародностью в словах и манерах.

Таня, сестра Сыромятова, молодая девушка; одета богато.

Николай Егорович Агишин, человек без определенного положения, с ограниченными средствами; личность поизносившаяся, но еще интересная; по костюму и манерам джентльмен.

Нина Александровна Кармина, пожилая дама с расстроенными нервами.

Елена Васильевна, ее дочь, девушка немного за 20 лет в полном цвете красоты и здоровья; в манерах видна изба-

лованность и привычка повелевать.

Человек Карминых.

Прохор, слуга Андрея Белугина.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Приемная комната; в глубине входная дверь; по стенам тяжелые стулья хорошей, дорогой работы; по обе стороны, ближе к авансцене, боковые двери; налево от актеров, подле двери, большое конторское бюро и высокий табурет; направо, на стене, два фамильные портрета плохой, дешевой работы, в больших золоченых рамах; посредине большой стол, покрытый дорогой, тяжелой салфеткой; на столе модная дамская шляпка и новая, приглаженная мужская шляпа.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Андрей Белугин (выходит из боковой двери слева и становится подле бюро), потом Агишин.

Андрей (с неудовольствием). Кто там еще?.. Эх!..

Из средней двери входит Агишин.

А, Николай Егорыч... мое почтение... здравствуйте!..
(*Подает руку*). Вернулся из Питера?..

Агишин. Да, вчера... и вот заехал на тебя поглядеть, мой милый... Но, кажется, я не вовремя... так говори прямо... Я после могу!..

Андрей. Родители с фабрики приехали...

Агишин. (*указывая на шляпу*). А это что?.. Этих вещей твои родители, я думаю, не носят, да и прародители не носили!..

Андрей. А это знакомые с ними вместе... тоже один фабрикант с сестрой...

Агишин. Ну, я тебя не задержу... я на десять слов... Мне только нужны кой-какие сведения... Бывал ты без меня у Карминых?..

Андрей. Заезжал иногда...

Агишин (*с притворным участием*). Ну, что ж, Андрюша, мой милый, как дела твои?..

Андрей (*строго*). Какие такие дела?

Агишин. Ну, твое ухаживание, любовь, обожание, что

ли?.. Кто ж тебя знает!.. Тронул ты ее сердце или уж совсем покорил?..

Андрей. Это уж мое дело! Ты разговоры эти лучше предоставь!..

Агишин (*с улыбкой*). Не предоставь, а оставь! Ты хочешь сказать: оставь? Тут есть небольшая разница.

Андрей. Ну, там оставь или предоставь – это все одно... а только я тебя прошу, чтоб этих разговоров не было, потому я не люблю!..

Агишин. А, вон оно куда пошло!

Андрей. Да, потому что над чем я сам не шучу, над тем и другим не позволю!..

Агишин. Значит: это – святыня... к которой прикасаться нельзя?..

Андрей. Ну, да уж как хочешь, так и понимай!..

Агишин. Как они поживают? здоровы?

Андрей. Ничего, слава богу!..

Агишин. Ты когда у них был в последний раз?

Андрей. Вчера.

Агишин. А когда опять собираешься? Сегодня, я думаю!

Андрей. Мудреного нет, что и сегодня!..

Агишин. Ежедневно, значит...

Андрей. А хотя бы и так, хоть бы на дню пять раз. У тебя, что ли, позволения мне спрашивать?..

Агишин. Да что ты сердишься? Для меня совсем не лишнее знать твои намерения в этом деле. Ведь и я тоже живой

человек, и я могу чувствовать красоту Елены. Ты имеешь ли это в виду?..

Андрей. Ну, так что ж? Торговаться ты, что ль, хочешь, отступного, просишь?

Агишин. Нет, за что брать отступное! Да ты и не дашь. шансы у нас неравны. Где уж мне соперничать с тобою! И если ты...

Андрей. Да... если я!.. Потом что ж будет?

Агишин. Зачем же я буду мешать тебе без всякой пользы для себя? Умнее и честнее с моей стороны отступить; будем действовать заодно!

Андрей. Да что за заговоры, что за стачка!.. Это дело чистое.

Агишин. Ну, как знаешь... Вот что: коли ты приедешь сегодня раньше меня, так не говори, что меня видел.

Андрей (*с досадой*). А какая мне надобность разговаривать про тебя!..

Агишин. А если и спросят, так, сделай милость, скажи, что не видал: мне хочется сюрпризом явиться!..

Андрей. Да ладно... что об этом толковать-то! (*С улыбкою*). Сюрприз! Какой же это сюрприз? По-нашему, привезти из Питера подарок тысячи в три – вот это сюрприз!

Агишин. Ишь у тебя замашки-то какие! Вот и поди соперничай с тобой! Нет, видно, вашему брату без бою уступать нужно!.. (*Подавая руку*). Ну, я тебя задерживать не хочу... Поручения твои я исполнил, об этом после... До сви-

данья, сегодня вечером! Поди к своим гостям, занимай их...
(Уходит).

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Андрей (один).

Андрей. Занимать гостей... Вот пытка-то!.. (*Смотрит в дверь направо*). Прощай, Таня!.. Какую я сейчас с тобою подлость сделаю, так, кажется, убить меня... убить!.. Думал: будем век с тобою друг на друга радоваться!.. Ведь вон она сидит: такая веселая, смеется чему-то, лицо такое доброе... и не ожидает! Злодей я, злодей!.. Да что ж делать-то, коли другая взяла за сердце, да и вырвала его?.. От своей судьбы не уйдешь!.. И стал я ничем, ничем не лучше всякого разбойника и всякого бесчестного!..

Садится к столу и опускает голову на руки; входит Сыромятов.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Андрей и Сыромятов.

Сыромятов. Что ты ушел от нас? Аль куревом занимаешься, не хотел чадить при гостях?..

Андрей. Нет.

Сыромятов. Так что ж с тобой... Уж здоров ли ты?..

Андрей. Ничего, здоров!.. (*Как бы про себя*). А еще людей браним, людей судим, а сами хуже, может быть, тех, что...

Сыромятов. Ты уж, я вижу, заговариваться стал... Да что ты, рехнулся, что ли, в самом деле?.. Ты лучше за доктором пошли.

Андрей. Не вылечит меня никакой доктор! (*Встает*). Изменник я своему слову и, значит, бесчестный человек!

Сыромятов. Да ты в загадки-то не играй!..

Андрей. А вот, брат Вася, и разгадка всему этому: полюбил я твою сестру, и по рукам мы ударили – так ведь?..

Сыромятов. Так, не перетакивать статью!..

Андрей. А теперь не могу!.. Простите вы меня... простите!..

Сыромятов. Да ты полно шутить-то... не к месту!

Андрей (*горячо*). Да я и не шучу... С чего ты взял, что я шучу?.. не до шуток мне!..

Сыромятов. Однако сюрприз важный!..

Андрей. Ну, да вот хоть убей, я не скрываюсь. Ты думаешь, легко мне... легко мне будет твоей сестре в глаза взглянуть?..

Сыромятов. Гм... история, братец ты мой!.. По-приятельски, удружил!.. Ты знаешь ли, как это, по-нашему, по-русски, называется?.. Ведь этот твой пассаж для сестры и для всей нашей фамилии бесчестье и мараль!.. Ты подумал ли об этом?

Андрей. Без тебя все это я давно знаю. Да что ж мне делать, коль я другую полюбил!.. Рассказать тебе вдруг мои чувства – я не могу... да и слов таких не знаю... а вот возьми ты разорви грудь мою, да и погляди сам, что там делается!.. Вот не уйдешь никуда от этого... не спрячешься... Судьба, одно слово – судьба!..

Сыромятов. Стало быть, богаче или лучше невесту нашел?

Андрей. Да не то, Вася, совсем не то!..

Сыромятов. А коли не то, так какие ж с твоей стороны оправдания?.. Как же ты, братец ты мой... хорошего семейства девушка и по нашей стороне, можно сказать, первая невеста по капиталу и по всему... какие ж у тебя резоны, что ты позоришь ее для какой-нибудь?..

Андрей. (*грозя пальцем*). Шшш... осторожно!.. не заикайся!..

Сыромятов (*зло*). Не заикаться?.. Не приказываете?.. Но, однако, между прочим, интересно знать этот самый сю-

жет!..

Андрей. Что тут знать?.. Красота – ума помраченье! вот и знай!..

Сыромятов. А из каких они будут?..

Андрей. Да из каких бы то ни было!.. Ну, просто сказать семейство хорошее... живет девушка, барышня с маменькой, живут, признаться тебе, небогато... Познакомил меня с ними Агишин... Но только уж насчет образования... ума!..

Сыромятов. С романсами, значит? Вот как!..

Андрей. Сразу может погубить человека... за один взгляд, за одну улыбку куда хочешь и на что хочешь готов!.. Ах, Вася, такая это красота, такая красота!..

Сыромятов. Нас никаким товаром не удивишь... знавали мы и атласных, и бархатных.

Андрей. Не то, говорю тебе, не то!..

Сыромятов. Значит, уж самых высших сортов!..

Андрей. Да что тебе говорить!.. Ты таких и не видывал!.. и не знал никогда.

Сыромятов. Познакомь, так увидим... не ударим лицом в грязь... обращение понимаем... Можем карманом трянуть; чай, сам знаешь, мы цыганкам за песни по триста рублей бросали!..

Андрей (*с гневом*). Оставь... оставь... я тебя честью прошу!.. Эти твои слова глупые... и больше ничего!..

Сыромятов. Какое дело, такие и слова... глупое дело, так и слова глупые, потому серьезного я тут ничего не вижу!..

Андрей. Нет, уж так-то серьезно, что хоть в петлю полезай... Прежде-то я бывал у них не часто... так, думал, для времяпровождения, а теперь каждый день тянет, хоть взглянуть только!.. А она... она-то как будто шутит надо мной: то задумается, да так глядит, так глядит!.., а мне так подошло... ну, прямо тебе скажу: не жить без нее... хоть руки на себя накладывай!.. Либо она... либо...

Сыромятов. А коли так круто пришло, так что ж ты зеваешь-то, голова?.. Приглашай кататься хоть сегодня... ямскую тройку с набором... маменьку убоготворить, а с дочкой, как потемнее станет... куда-нибудь подальше!

Андрей. *(хватая его за плечи)*. Не будь ты Василий Сыромятов, задушил бы тебя за эти слова!..

Сыромятов *(отстраняясь)*. Не горячо ли будет!.. Остыньте маленько!..

Андрей. Это семейство честное, благородное, и любовь моя честная, и дело, коли бог даст, будет честное.

Сыромятов. Честное! А с нами твое дело честное? Стало быть, мы хуже других, с нами можно все... дескать, не взыщут, таковские... Нет, ты ошибся, и у нас тоже своя амбиция есть, да еще побольше, чем у других прочих... за себя постоять можем!..

Андрей. Ну, мсти; ну, делай что хочешь, я не бегу, не прячусь, я сам отдаюсь... А что ее обидеть или чувства мои душевные трогать, я никому... отцу родному не позволю!

Сыромятов. Вот тебе сказ короткий: не будь ты мне друг,

все одно что брат, я б с тобою жив не расстался; уж то ли, се ли, а по крайности расстрамил бы тебя на весь свет!.. А теперь хоть и обидно, а больше-то мне тебя жалко! Оплели!.. Да и что ж не оплести, коли сам в петлю лезет... затянуть только покрепче!..

Андрей. Нет, Вася, нет, я сам!..

Сыромятов. Ты одурел, так и не видишь; а у меня разум при себе... хоть ты мне образ сними, все-таки скажу, что ло-вушка!.. Да и все то же скажут, кого ни спроси!..

Андрей. Вася, последняя у меня просьба к тебе...

Сыромятов. Что еще?

Андрей. Пошли ко мне сестру на минутку!

Сыромятов. Для чего это? Она теперь тебе чужая!..

Андрей. Надо сказать ей...

Сыромятов. Скажем и без тебя!

Андрей. Уж все-таки честней самому...

Сыромятов. Амбиция не велит, вот что я тебе скажу!..

Андрей. Да ведь не на радость себе я ее видеть хочу, а на муку!.. Перед ней виноват, ей и виниться должен... простить – где уж!.. А хоть и бранить будет, все же в глаза, все легче!.. А может, и пожалеет... у нее душа добрая!..

Сыромятов. На минуту, пожалуй, а потом и прощай, брат Андрей, прощай!.. Мы ведь тужить долго не будем: у нас женихи и сейчас готовы... Такие невесты не засиживаются!.. (*Уходит.*)

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Андрей (один).

Андрей. Ведь вот только десять слов сказать, там и легче будет, как гора с плеч свалится; да как их эти слова-то, выразишь?.. Готовы они, на губах вертятся, а изнутри-то совесть как огнем жжет!.. (*Садится к столу и снимает с пальца кольцо.*) Уж решено, кончено, обдуманно, а, точно, что живое отрываю от себя!.. Да и та мысль в голову лезет.., не отдать бы мне своего счастья с этим кольцом!..

Входит Таня.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Андрей и Таня.

Таня (*тихо и доверчиво*). А?.. что?.. Что тебе?..

Андрей. Присядь на минуточку...

Таня садится к столу.

Ежели теперь человек своего слова не оправдывает, так не всегда же это от подлости, потому другой раз сам в себе не волен!..

Таня. Да про что ты?..

Андрей. Ежели человек не в себе...

Таня. Разлюбил, что ли?..

Андрей. Конечно, уж мне против тебя оправдания нет...

Таня. Я уж давно угадываю... давно ждала!

Андрей. Я кругом виноват пред тобою!..

Таня. Ну, что же? что я могу? Ведь насильно любить не заставишь?

Андрей. Ну так вот об чем я тебя прошу... (*Машинально подвигает кольцо к Тане, она отталкивает кольцо рукой*).
Позабудь ты меня!

Таня (*со слезами*). Забуду я тебя или нет – тебе что? Тебе одно, чтобы помехи не было... Ты, может, боишься? Так напрасно!..

Андрей. Чего мне бояться?.. Я тебя знаю... твою душу...

Таня. Коли ты лучше меня нашел, как тебя удержишь?..

Уж мы завсегда такие несчастные!..

Андрей. Нет, ежели ты сердиться или бранить так уж ты брани меня одного, а ее, Таня, не проклинай!..

Таня. Да и тебя бранить что пользы? Бог с тобой!..

Андрей *(со слезами)*. Так прощаешь? прощаешь?..

Таня. Что ж мне тебе сказать? Обидно мне, горько мне!.. Да ты сам-то уж не плачь – это мое дело! Что ж тебе сказать? Ну... бог с тобой!., вот одно... что ж еще?..

Андрей. Ну, спасибо тебе, спасибо!.. Ангельская ты душа – вот что!., а я... ну, прощай!.. *(Быстро уходит в дверь направо)*.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Таня, потом Сыромятов.

Таня (*вслед Андрею, качая головой*). «Ангельская душа»!

На языке-то у тебя мед, а под языком-то лед!.. Говорит: не брани ее, – а кого ж мне бранить-то, как не ее? Она мое счастье-то отняла.

Входит Сыромятов.

Кто она такая, скажи ты мне?

Сыромятов. Ну как же! Очень нужно тебе знать!.. Наблюдай свою амбицию... амбицию наблюдай!.. Смеяться тебе надо ему в глаза, а не плакать...

Таня. Не шутка ведь это... не засмеешься... ведь я любила его!..

Сыромятов. Любила, так и плачь себе дома, а при людях ронять себя нам нейдет! Надо так из себя доказывать, что люди за нами гоняются, а мы ни за кем не погонимся!.. Сбейся... пойдём!..

Таня. Да уж пойдём, чего дожидать?.. (*Надевает шляпку*).

Сыромятов. Высоко, брат Андрей, заносишься, но, однако, не ошибись! как бы голова не закружилась!.. Дерево-то по себе рубят, чтоб под силу было!..

Входят Настасья Петровна и Гаврила Пантелееч.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Сыромятов, Таня, Настасья Петровна и Гаврила Пантелеич.

Настасья Петровна. Батюшки, что это?! Куда вы под-
нялись?

Сыромятов. Завсегда так бывает-с, что гости посидят,
посидят, да и пойдут!..

Гаврила Пантелеич. И вправду, куда вы? Не гоним, ка-
жется...

Сыромятов. Покуда не гонят... а ждать этого самого
не желаем!.. (*Раскланиваясь*). Гаврила Пантелеич, Настасья
Петровна, чувствительно вами благодарны за вашу ласку...
на угощение много довольны!.. Ну и, кажется, при всем том
мы увидимся не скоро...

Гаврила Пантелеич (*взглянув на жену*). Настасья?..

Настасья Петровна. Не придумая, что за оказия та-
кая!..

Гаврила Пантелеич. Да ты не комедию ль ломаешь?..

Сыромятов. Наша комедия сейчас кончается, а будет у
вас своя, новая... так и ожидайте... Прощенья просим!..

Таня. Прощайте!

Уходят.

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Гаврила Пантелеич и Настасья Петровна.

Гаврила Пантелеич (*помолчав*). Настасья, говори, что у нас такое?..

Настасья Петровна. Не знаю, Гаврила Пантелеич, не придумаю!..

Гаврила Пантелеич. Да что ж, черт возьми, затмение на нас нашло, что ли?.. Где Андрей?

Настасья Петровна. Не знаю, батюшка Гаврила Пантелеич!..

Гаврила Пантелеич. Кто белены-то объелся: мы или они?.. Я, кажется, ничего, в полном разуме, не бросаюсь по стенам и вижу всех как есть... Ты кусаться не стала ли?

Настасья Петровна. Да и я в здравом рассудке. С чего мне?

Гаврила Пантелеич. Говори, выкладывай! Прячешь что-нибудь... от вас ведь сыры-боры возгораются!..

Настасья Петровна. Не грехи, Гаврила Пантелеич! Я, видит бог, ничем не причинна... и сама с мыслями не сбегу, откуда взялось такое!..

Входит Андрей.

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ

Те же и Андрей.

Андрей. Батюшка, и вы, матушка, должен я вам открыть свою душу, и уж судите меня, как вам бог на сердце пошлет!..

Гаврила Пантелеич. Ну вот, постой, что такое?..

Настасья Петровна. Ох, оборвалось сердечко-то, оборвалось!

Андрей. Сыромятова Таня – моя невеста; мы по любви сошлись и с вашего благословения, но только теперь мои чувства совсем другие...

Гаврила Пантелеич (*про себя*). Вот у кого горячка-то, вот оно что!..

Андрей. Теперь мои чувства совсем другие, которые даже невозможно преодолеть...

Настасья Петровна. Что ты, бог с тобой, что ты?.. Опомнись!..

Гаврила Пантелеич. Парня лечить надо, а мы с тобой посмотрим!.. На ногах человек, с виду-то как и быть следует, а какой бред у него!..

Андрей. Ежели вы считаете, что эти мои слова – бред, так уж этот бред мне на всю жизнь... с ним мне и умирать надо!.. А я считаю, что я в полном разуме даже прошу вашего родительского благословенья!..

Настасья Петровна. А как же Таня-то?.. Нешто мож-

но?.. Что ты, что ты?..

Андрей. С Таней у меня объяснение было... я ей о всем по душе открылся... Сколько я теперь за Таню страдаю, да, может, и вперед буду страдать – это только грудь моя знает... Но дело это промеж нас кончено, нарушено, и повороту нет-с!

Гаврила Пантелеич, пощипывая бороду, косится на сына.

Настасья Петровна. Ах, срам какой!.., и откуда это... каким ветром нанесло?.. (*С любопытством*). Андрюша, кто ж она такая? где нашел? из каких?..

Андрей. Семейство хорошее, честное-с, состояние средственное, сирота, родитель помер... живет с маменькой... и такое мое к ней чувство!..

Настасья Петровна. Ах, ай, ай!.., ах, беда какая, беда какая!..

Гаврила Пантелеич. Полоумная!.. Вас обоих вместе на цепь-то посадить!.. Тут видимое дело: человека надо скорей водой... ушата два вылить, а она его спрашивает... бобы с ним разводит!..

Андрей. Вся ваша воля... но я не в горячке, не сумасшедший... я в памяти...

Гаврила Пантелеич. Да когда ж эдакие одержимые сами понимают, что они с ума сошли!.. Их и уговаривать нечего... а просто вязать...

Андрей. Не сумасшедший я, очень даже далеко от этого.

Гаврила Пантелеич. А коли так, разговор у нас с то-

бой короткий будет: выкинь ты сейчас все это из головы – и брось!.. Невеста у тебя есть, и другой не будет. А этих твоих променадов я и знать не хочу, ты бы стыдился про них и говорить родителям!.. А чтоб поскорей конец всему этому сделать – на будущей неделе у нас свадьба будет! Вот тебе и сказ!

Андрей. Там уж как вам угодно, а только той свадьбе не бывать-с!

Гаврила Пантелеич. Как так? воле родительской противиться, закон попирать!.. или уж нынче власть родительская ничего не значит?..

Андрей. Я вам завсегда покорялся и завсегда буду покоряться; а это не такое дело-с: это дело сердечное. Если у вас есть власть приказать моему сердцу разлюбить, так я сам прошу вас, прикажите!.. Коли оно вас послушает, я очень рад буду.

Гаврила Пантелеич. Да я твоего сердца и знать-то не хочу! Сердце!.. ишь, что выдумал!.. Нешто так родителям отвечают?.. (*Жене.*) Говори ты с ним, образумь его... а мне вас и видеть-то противно!.. (*Махнув руками, уходит*).

ЯВЛЕНИЕ ДЕСЯТОЕ

Андрей и Настасья Петровна.

Настасья Петровна (*садясь к столу*). Ах, Андрюша, что ты затеял?..

Андрей (*садясь с другой стороны*). Маменька, да коли счастье мое, коли жизнь моя от того зависит, так не мешайте хоть вы-то!..

Настасья Петровна. А Таня-то... какая девушка... какая жена-то была бы тебе!

Андрей. Значит: не судьба! Что ж делать-то!

Настасья Петровна. А эту-то ты знаешь ли? Какой характер у нее? да еще будет ли любить-то тебя?.. (*Скороговоркой*). А как зовут-то ее?..

Андрей. Еленой.

Настасья Петровна. Что ж? ничего, имя хорошее! да подумай, Андрюша, дело большое, вековое!..

Андрей. Да уж думано и передумано!.. Я сегодня хочу ехать руки просить...

Настасья Петровна. Сегодня! ах, батюшки!

Андрей. И если будет от нее согласие, так поверьте, что счастливей меня вы человека в мире не найдете! Хотите вы моего счастья?..

Настасья Петровна. Ну, буди воля господня!..

Входит Гаврила Пантелеич. Настасья Петровна и Ан-

дрей встают.

ЯВЛЕНИЕ ОДИННАДЦАТОЕ

Те же и Гаврила Пантелеич.

Гаврила Пантелеич. Ну, урезонила хоть малость?

Настасья Петровна. Да уж видно, Гаврила Пантелеич...

Гаврила Пантелеич. Что видно?.. Что видно – я ничего

покамест не вижу...

Настасья Петровна. Видно, что кому на роду написано, так уж... нынче хочет ехать руки просить...

Гаврила Пантелеич. Руки просить? Что ж нам теперь, родителям-то, как быть?.. Что делать нам подобает, на его безумие глядя?..

Настасья Петровна. Не знаю, батюшка Гаврила Пантелеич!..

Гаврила Пантелеич. Не знаешь? так я тебя научу! Вот первое: не умела ты своим бабьим, сорочьим языком вразумить свое детище, так прикуси твой язык – и молчать тебе навеки!..

Настасья Петровна. Слушаю, Гаврила Пантелеич!

Гаврила Пантелеич. И не единого чтоб слова!

Настасья Петровна. Молчу, молчу!..

Гаврила Пантелеич. А второе...

Настасья Петровна. Что второе-то?..

Гаврила Пантелеич. Второе-то: бери икону...

Андрей покорно опускает голову.

Настасья Петровна. Ах, батюшка Гаврила Пантелеич!
Ах, Андрюша, родной!..

Гаврила Пантелеич. Будь над ним господне и наше благословение!.. Пущай по крайности, коли он будет после плакаться, так на себя... а не на нас!.. Давай икону!..

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Гостиная в квартире Карминой. Небольшая комната, небогато, но чисто меблированная; в глубине отворенная дверь в залу; направо, в углу, боковая дверь; на левой стороне два окна.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Елена, одна, сидит в кресле и перелистывает книгу, потом кладет книгу на стол и подходит к окну.

Елена. Какая тоска невыносимая! Ни дела, ни места не найду. Дни идут, тянутся, какие-то мертвые, как будто жизнь моя остановилась! Хотел вернуться через две недели, а вот уж скоро два месяца, как его нет! Где он пропадает? Как разлука развивает и укрепляет страсть!.. Пока он был подле меня, я не замечала, как сильна привязанность; я не замечала, что он мне необходим!.. Но ведь мы и воздуха не замечаем кругом себя, а между тем без нею жить нельзя – дышать нечем! Но что же он? Зачем он медлит? Робость в нем предполагать нельзя... то в его словах страстность, то холодность и самое обыкновенное дешевое благоразумие! Или это расчет, тактика?.. Столько времени мы знакомы, и он для меня все-таки остается загадкой!.. Надо его вызвать, заставить объясниться!.. Да, нужно кончить это мучительное для меня недоразумение... (*Смотрит в окно*). Ах, милый Андрюша Белугин!.. Вот это душа простая... ха, ха, ха! И что-то в руках держит! А какой у него рысак... вот прокатиться бы!.. (*Садится к столу и берет книгу*).

Входит Андрей Белугин, во фраке, в руках большой букет.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Елена и Андрей Белугин.

Елена (*шутя*). И без доклада?..

Андрей (*сконфузясь*). Виноват-с!.. я... вот какое невежество!

Елена (*смеется*). Ну, да беда небольшая! (*Встает и подает руку*). Здравствуйте!

Андрей. Ваше здоровье, Елена Васильевна?

Елена. Как нельзя лучше! (*Указывая на цветы*). А это что такое?

Андрей (*подавая цветы*). Позвольте вам поднести, Елена Васильевна!

Елена. Что вам за фантазия пришла?

Андрей. Так, желательно было-с... Не откажите принять...

Елена (*берет*). Merci!.. прелесть какой букет! (*Садится и нюхает*). Где вы достали?

Андрей. Да помилуйте... да где угодно-с! Нешто редкость какая!

Елена. Да, конечно, для вас все не редкость... садитесь же!

Андрей. Нет-с, ни сидеть... ни стоять!.., а бежать бы куда-нибудь без оглядки!..

Елена. Вот странное настроение! Вы не знаете, Аги-

шин... он не приехал еще из Петербурга?..

Андрей. Нет-с... Что мне?., я не знаю-с...

Елена. Ну, а с вами что такое случилось?..

Андрей. Так, вдруг-с... такое расположение бывает, что все мысли перепутаны и точно в тумане!..

Елена. А можно спросить о причине? «Так вдруг»... Да ведь от чего-нибудь это нашло на вас!

Андрей. Пушай же цветы вам это скажут-с!

Елена. Цветы? они молчат... только хорошо пахнут... свежие!

Андрей. Нет-с... они говорят...

Елена. Очень тихо, значит... я не слышу!..

Андрей. Они говорят-с, говорят про любовь того человека, который, может, самый несчастный!..

Елена. Не понимаю!..

Андрей. И нельзя вам понять-с: у вас все будто как шутка, вы все смеетесь... но вам шутить можно, а мне нельзя-с: пришло то самое время, когда надо эту шутку кончить!..

Елена. Ах, говорите ясней!..

Андрей. Елена Васильевна, всего два слова: моя любовь – не шутка... не шутка-с: тут вся моя жизнь в ней-с! Елена Васильевна, у меня все решено-с, и теперь я вашей руки прошу-с... Отвечайте мне, Елена Васильевна... прямо от души... и прошу вас сию минуту-с... ждать мне, по моим чувствам, никак невозможно-с! (*Смотрит в окно.*)

Елена наклоняется к букету.

Елена (как бы про себя). Вот неожиданность!

Андрей. Ежели я сказал глупость, оскорбил вас, так прямо и говорите... и больше вы меня не увидите!..

Елена (помолчав). А давно вам это в голову пришло?

Андрей. А с той самой минуты, как я вас увидел-с! У меня была и невеста, но это дело я покончил; теперь только ваш ответ-с...

Елена. Но вы зависимы... вы принадлежите своему кругу... у вас свой особый мир, а я выросла и образовалась совершенно в другой сфере; у меня свои привычки, вкусы, стремления, и переделаться я не могу!

Андрей. Зависимости у меня нет-с: я имею собственный капитал от бабушки и живу совсем отдельно от родителей; а в отношении того, что вы говорите, я принадлежу чему-то... так этого нет-с... а я буду принадлежать только той особе... кого я люблю-с!..

Елена. Но послушайте... у меня дурной характер: я капризна, иногда просто зла и никому и ничего не уступаю, если вздумают меня стеснять. И мало ли какие мне могут прийти фантазии: вдруг мне все надоест... я захочу себе свободы... полной свободы...

Андрей. Ну и что же-с?.. и все это как вам угодно-с, я на все готов... Мне ничего не нужно-с... окромя... ну, чтобы вы, чтобы я мог назвать вас-с!..

Елена задумчиво нагибается к цветам и вдруг громко смеется.

Елена. Простите, я совсем о другом: мне пришла голову одна такая смешная вещь!..

Андрей (*со вздохом*). Да-с, я так и понимаю, что не ко мне, потому смеяться теперь надо мною... грех! Уже это надо совсем никакой души не иметь!..

Елена. Нет, право же нет! я не такая дурная! а, право, совсем другое мне пришло... Ну, хорошо! Дайте мне одной немного подумать, и я скажу вам!., а вы ступайте, ну, прокатитесь... Через час вы узнаете!..

Андрей. Только как мне этот час долгод покажется!..

Елена. А вы съездите в кондитерскую, привезите мне конфект... вот вы и не увидите, как время пройдет!.. Да не будьте так серьезны... я не люблю серьезных!..

Андрей. Так до свиданья-с! Со всем трепетом!.. (*Идет*).

Елена (*проводя его до двери*). Ах, без трепета, пожалуйста.

Андрей уходит.

Елена. Ха, ха, ха! Я купчиха Белугина! Ха, ха, ха... пышная, разряженная, с своим Андреем Гаврилычем рядом, в роскошной коляске, на рысаках... Ха, ха, ха... молодые Белугины!.. Помните Элен Кармину? это она! Ха, ха, ха... И разговоры... злые насмешки, из-под которых так и сквозит зависть!.. Вот новость, вот событие!..

Входит Нина Александровна.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Елена и Нина Александровна.

Нина Александровна (*заметь цветы*). Какой букет!

Кто это?..

Елена. Жених!

Нина Александровна. Что ты говоришь! Какой жених?..

Елена (*смеется*). Право, мама!..

Нина Александровна. Лена, что тебе за охота мучить меня?

Елена. Andre Beloughin сделал сейчас мне предложение.

Нина Александровна. Лена, неужели? да нет, ты шутишь?!

Елена. Не веришь? Ха, ха, ха..., что ж тут удивительного?

Нина Александровна. Ну конечно ты шутишь, и больше ничего!

Елена. Нет, нисколько! Я – невеста, мамаша... я приняла предложение.

Нина Александровна. Лена, перестань; пожалей мои нервы.

Елена. Поверь же, наконец! (*Обнимает мать*). Мама, а разве плохо жить на свете купчихе Белугиной?

Нина Александровна. Да, может быть, ей и очень хорошо жить, но ты – не купчиха Белугина, ты не должна была,

ты не могла принять этого предложения!.., фи!..

Елена. Ну, разумеется, я не пойду за него ни за что на свете! Но позвольте же мне хоть помечтать о богатстве и посмеяться... Этого смеха, мама, нам надолго хватит. (*Уходит*).

Нина Александровна. Какие, право, нынче эти люди смелые стали! Ну, как это возможно!..

Входит Агшин.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Нина Александровна и Агишин.

Нина Александровна. Ах, Николай Егорыч! Ах, как неожиданно! Ну, слава богу! А уж мы надумались о вас... здравствуйте, здравствуйте, наконец-то! Ну, как вы съездили, благополучно?

Агишин. Очень благополучно. Как ваше здоровье?

Нина Александровна. Да все нервы, по обыкновению... решительно покоя не дают!

Агишин. Здоровье Елены Васильевны?

Нина Александровна. Она у меня цветет! А я, поверите ли, вот увидела вас вдруг, ну, и вся как разбитая! Да садитесь же!

Агишин (*сидясь*). Нехорошо, Нина Александровна.

Нина Александровна. Да уж что хорошего...

Агишин. А знаете ли вы, отчего это у вас? от дурного воспитания.

Нина Александровна. Ах, что вы, что вы!.., мое воспитание было отличное!

Агишин. Нет, дурное, сентиментальное: излишнее развитие возвышенных чувств в ущерб рассудку, страстные порывы к идеальному. А так как в жизни-то все реальное, идеального ничего нет – вот и пойдут разочарования, расстройство нервов; да этого еще мало: семейные драмы, разбитые жиз-

ни! Вот где источник-то мигреней, Нина Александровна, в возвышенных чувствах!..

Нина Александровна. Вас послушай только, так вы скажете!

Агишин. Если б в девушках развивали побольше рассудок и трезвый взгляд на вещи, так поверьте, что они были бы счастливее и уж наверное здоровее!

Нина Александровна. Со мною-то вы что хотите говорите, только уж дочери, пожалуйста, этих мыслей...

Агишин. Нина Александровна, если вы желаете счастья Елене Васильевне, так учите ее брать от жизни только то, что она дает, и не мечтать об идеалах.

Нина Александровна. Как привяжется мигрень! Да вот Лена идет, а я уж, извините, отдохну пойду. (*Уходит*).

Входит Елена.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Агишин и Елена.

Елена. Боже! вы здесь, а я и не знаю, маменька и не скажет!

Агишин (*горячее рукопожатие*). Да, я давно уже...

Елена. Когда вы из Петербурга?

Агишин. Вчера утром.

Елена. Как же вы смели так долго не являться?

Агишин. Не притворяйтесь строгою; ведь я не поверю, чтобы мое отсутствие было очень заметно для вас.

Елена. Нет, в самом деле, я ужасно хандрила все это время, не с кем слова сказать! Что вы там делали?

Агишин. У меня умерла там какая-то тетушка... Что-то оставила, нужно было получить... но, к моему сожалению, вышло очень немного!..

Елена. Я думала, что вы где-нибудь за океаном!

Агишин. Как здоровье ваше?

Елена. Я говорю вам, что хандрю!

Агишин. Без причины?

Елена. Я сама не знаю, что со мною... тоска, чем-то недовольна, куда-то рвусь!

Агишин. Полнота, избыток сил! Вы, как роскошная весенняя природа, которая после ясной погоды вдруг хмуриться начинает; нужна гроза, хоть небольшая, чтобы разрядить

накопившееся электричество.

Елена. Вы думаете?

Агишин. Ах, что мой Андрюша? бывает он у вас?

Елена. Очень часто... он смешит... он меня ужасно смешит!

Агишин. Влюблен, я думаю, да еще как влюблен! Не то, что мы!..

Елена. А как же?

Агишин. А как влюбляются люди необразованные: от всей души, то есть от всей своей первобытной дикости! А кстати, как вы смотрите на него?

Елена. Он – ничего, так себе, русский молодец... кажется, добрый и нежный человек. Я ведь сужу его по его же словам; он мне всю свою душу открывает.

Агишин. Да-с, и вот этот Андрюша – миллионер: по завещанию бабушки имеет свой огромный капитал, да к тому ж еще единственное и любимое чадо у своих богатых родителей. А какая нежность, какая деликатность чувств! Явление замечательное в настоящее время.

Елена. Я его не разберу – что он: глуп или юн еще очень?

Агишин. Пороху он, конечно, не выдумает, а поразовьется, так будет человек как следует, для домашнего обихода, разумеется! Вообще, этот Андрюша – драгоценность; он очень удобен.

Елена. Для кого?

Агишин. Для жены, для женщины, которая сумеет по-

нять, как дорога, при полном довольстве, полная свобода и независимость! Благоразумная девушка едва ли оттолкнет его!

Елена. Знаете ли, ведь он, голубчик, влюблен в меня без ума, без памяти!

Агишин. Иначе и быть не могло! Если его страсть шла crescendo, она должна дойти до геркулесовых столбов. С первого раза, как он увидел вас, так и обомлел!

Елена. Ну, так я вам еще новость скажу: он сделал мне предложение сегодня, не более получаса тому назад...

Агишин. Браво, Андрюша, браво! Что же вы ему?

Елена. Я от хохота говорить не могла.

Агишин. Каков Андрюша? Молодец, право молодец!..

Елена. Вообразите, перед вами купчиха Белугина! Ха, ха, ха!

Агишин. Я в этом ничего не нахожу смешного; да я думаю, и всякий тоже, кто желает вам добра. Но с чем же он ушел от вас?

Елена. Ему сказано, что подумают, как обыкновенно говорят в таких случаях. Но довольно об этом! Расскажите что-нибудь о себе: что вы там видели в Петербурге? там, говорят, очень много хорошеньких женщин... там у вас есть и знакомые; помните, вы говорили о каких-то двух дамах, которыми вы интересовались?

Агишин. Видел и их; но одна из них непомерно толстеет, много спит и начинает очень сладко поглядывать на своего

супруга, а другая хуеет до невозможности...

Елена. Значит, вам было не очень весело?..

Агишин. За кого ж вы меня принимаете? Неужели вы думаете, что у меня в жизни, кроме забавы, ничего нет? что я порхаю, как мотылек, и ни в груди, ни в голове не таю, не берегу ничего серьезного?

Елена. Я ведь вас не знаю, я сужу по вашим же словам.

Агишин. Да я и не спорю с вами; прежде, может быть, я и был таков, но не теперь!

Елена. А теперь что же?

Агишин. В эту поездку я убедился, что у меня на душе что-то неладно! Поверите ли, я в первый раз в жизни мучительно ощутил чье-то отсутствие и страдал! Чувство странное, тревожное... Передо мной носился, меня преследовал женский образ; он занял мой мозг, всю мою душу!..

Елена. Но позвольте спросить, кто же она: женщина или девушка!

Агишин. Она? да, она – девушка...

Елена. Так ведь она может быть вашей!..

Агишин. Боже мой! да смею ли я, нищий, нищий, мечтать о таком счастье! Что я могу? Втиснуть ее в жалкую, будничную рамку жизни, сделать женой, нянькой, экономкой и загубить, загубить создание, в котором все прелестно, все изящно, все музыка... и переселить ее в кухню!.. Да и я, я сам, люблю изящество во всем! Я сам артист! Обладание обожаемой женщиной я не могу себе иначе и представить, как в

роскошной обстановке, как...

Елена (*тихо*). Продолжайте...

Агишин. Ах! есть голубой Неаполитанский залив, есть Сорренто... Там голубые небеса И фиолетовые горы. Там жизнь, там рай; недаром Италию так любят поэты...

Елена. Значит, у вас надежды нет?

Агишин. Надежда? Какая во мне надежда!.. Во мне – бешенство! Я готов на все, на всякие жертвы, чтобы только вырвать эту страсть из души! Но уже невозможно, уж поздно!.. (*Молчание*). Одну, одну мечту могу еще я лелеять в душе своей...

Елена (*почти шепотом*). Какую, какую?

Агишин. Пусть она принадлежит другому!

Елена (*как уколотая*). Ай!..

Агишин. Да, пусть она принадлежит другому, но пусть она оставит в душе своей хоть маленький уголок, где бы я, страдалец, мог найти для себя отдых, примирение с жизнью, освежение! Эта интрига потребует от нее, конечно, маленькой борьбы с предрассудком, маленькой сделки с своей совестью...

Елена. Но если сделка с совестью, так уж это не маленький уголок!

Агишин. Но и эта мечта моя разлетается, как дым! Нет, она еще слишком идеальна; для нее обыкновенная житейская история, которую мы видим на каждом шагу, может показаться чем-то ужасным, чудовищным; самая сладость, изы-

щество утонченного наслаждения может ей показаться даже преступным... ей представятся фурии, эвмениды, которые будут преследовать ее до конца жизни!..

Елена. Но кто же она?

Агишин. И вы спрашиваете? вы не знаете? Неужели вы ждете от меня, чтобы я назвал по имени! Нужно ли?

Елена. Нет, не нужно!..

Агишин. И вот чтобы заморить, задушить эту страсть, я еду в провинцию, поступлю где-нибудь на службу, куда-нибудь подальше!

Елена. И надолго?

Агишин. На два, на три года, почему я знаю? пока уляжется все, успокоится в душе, пока овладею собой!.. Однако прощайте! Вам нужно подумать над роковым для человека ответом, ведь и Андрей – тоже человек!.. А мне... у меня горит голова, мне нужен воздух!

Елена (*решительно*). Приезжайте сегодня, приезжайте! Я вас прошу, я вам приказываю!

Агишин. Хорошо; если вам угодно, заеду; я сделаю один визит неподалеку. До свиданья! (*Подает руку Елене*). Какая рука... какое теплое, энергическое пожатие! Не бегайте от счастья... бросьте предрассудки, берите от жизни все, что она может дать вам!.. Не бегайте от счастья!.. (*Уходит*).

Елена. Ой, как сердце бьется! Что за день для меня! И сейчас придет Андрей... (*Молчание*). Значит, сделка с совестью?.. Так, что ли? Ах! (*Садится*). Но что ж это со мной?

Я в первый раз в жизни как будто начинаю двоиться. Я сильна и смела, я готова на эту обольстительную сделку с совестью; но и совесть вступает в свои права, я ощущаю в себе нравственное падение и немножко презираю себя!.. Но ведь это слабость, слабость! Он называет это слабостью; он, единственный авторитет для меня, он... называл это слабостью! Так это слабость и есть! Нет, решено! кончено, надо брать от жизни то, что она дает... а то после жалеть, плакать будешь!.. Ах, как неясно, как темно все в голове! Ну, так пускаться... а там уж что выйдет, решит сама жизнь!..

Входит Нина Александровна.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Елена и Нина Александровна.

Нина Александровна. Лена, ну что же ты... ты только все смеялась?! Нужно же ему ответ какой-нибудь дать?

Елена, Мама... я иду... иду за него,

Нина Александровна. Лена, боже!., что ты!.

Елена. Что же, мама... это для меня партия хорошая. Чего ж ждать-то? Мы живем на последнее, изо дня в день, а впереди нам грозит нищета. Ни к физическому, ни к умственному труду я не способна – я не так выросла, не так воспитана. *(Со слезами)*. Я хочу жить, мама, жить, наслаждаться! Так лучше ведь идти за Андрюшу, чем весь свой век сидеть в бедном угле с бессильной злобой на людей.

Нина Александровна. Не наша сфера, мои друг; их дикая жизнь, дикие нравы... Что заговорят!

Елена. Да что нам за дело до разговоров? Будем без предрассудков! Зато жизнь можно устроить, как хочется, средств будет много!

Нина Александровна. Можешь ли ты хоть когда-нибудь полюбить его?

Елена. Я, мама, постараюсь привыкнуть к нему!

Нина Александровна *(со слезами)*. Лена, Лена! И ты решаешься! Твой ум, красота – и кому?..

Елена *(обнимает и целует мать)*. Что ты, мама! Не

плачь! Да теперь-то мой ум и красота и найдут себе место! Посмотри, как я заживу богато, а сколько у меня будет блестящих поклонников! Какой выбор будет!..

Нина Александровна. Я могу только молиться, горячо молиться за твое счастье!..

Елена. Ну, полно же, мама, прочь эти слезы!..

Нина Александровна. Вот до чего доводят обстоятельства! В другом положении я не допустила бы и мысли, чтобы ты... моя Лена... мое бесценное сокровище...

Елена. Ну, пойдем, пойдем, успокойся. (*Уходят*).

Входит Андрей.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Андрей (один).

Андрей. Однако никого нет. Я, кажется, мешаться в уме начинаю помаленьку... потому песня какая-то лезет в голову совсем не к месту! (*Подходит к окну*). Вон Илья сидит на козлах, кулек шампанского держит; вон Серый что-то вздрагивает, ушами поводит. Эх, Серый, куда-то ты помчишь меня отсюда!

Входят Нина Александровна и Елена.

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Андрей, Нина Александровна и Елена.

Нина Александровна. Здравствуйте, Андрей Гаврилыч! (*Садится. Елена останавливается, прислонясь к стене*). Садитесь, прошу вас!

Андрей. Нет-с, я уж... я так-с!

Нина Александровна. Вы сделали предложение моей дочери?

Андрей. Так точно-с, потому любовь моя к Елене Васильевне...

Нина Александровна. Она так еще молода; но я – не такая мать, чтобы принуждать. Воля ее... я люблю Лену, она одна только привязывает меня к жизни (*Слезы*). Она, ее счастье... Я прошу небо!..

Андрей. Нина Александровна, желательно слышать ваше слово-с.

Нина Александровна. Пусть она сама!

Елена. Я согласна...

Андрей (*делает шаг, вскрикивая*). Елена Васильевна, верить ли-с?

Елена (*с улыбкой*). Я согласна!

Андрей (*бросается и целует руку Нины Александровны*). Нина Александровна! Такое для меня счастье!

Нина Александровна. Я отдаю вам все, что имею доро-

гого.

Андрей. Дорогого-с!.. Так и блюсти будем, как самое дорогое. Кто теперь счастливей-то меня на свете?

Елена (*шутливо*). Найдется кто-нибудь!

Андрей (*целует руку Елены*). Невозможно-с! Брошусь, право брошусь с колокольни с какой-нибудь!

Елена. Ну, тогда и свадьба наша не состоится.

Андрей. Цел останусь, невредим, не беспокойтесь! Нина Александровна, позвольте же по-русски, с бокалами-с.

Нина Александровна. Да у нас ничего нет, так неожиданно!

Андрей. У нас есть в запасе очень достаточно. (*Бросается в залу*).

Нина Александровна. Лена, а ты меня оставишь одну?..

Елена. Тебя, мама, никогда! Ты со мной, это будет первое условие!

Нина Александровна (*целует дочь*). Дитя мое, дорогая моя!

Андрей возвращается, и за ним человек с подносом, на котором бутылка шампанского и бокалы.

Андрей. Нина Александровна, прошу вас, за наше будущее! (*Берет бокал*).

Нина Александровна (*встает и берет бокал*). Будьте счастливы! Берегите ее!..

Андрей. Об этом уж не извольте беспокоиться!

Чокаются. Нина Александровна немного отпивает, ста-

вит бокал и садится.

Андрей. Елена Васильевна, теперь наш-с!.. Елена берет, чокаются и пьют.

Елена. Хорошее вино.

Андрей. Ничего-с: вино как вино! А только как будто это одна шутка, все мне кажется.

Елена. Да и вся жизнь – шутка! Шутя люди живут и умирают.

Входит Агшин.

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ

Те же и Агишин.

Андрей. Вот он, как раз! (*Бросается и хватает Агишину в объятия*). Николай Егорыч, голубчик, чудеса! Поздравь, выпей!

Агишин (*берет бокал*). Выпить я выпью, а с чем и кого поздравить прикажете?

Нина Александровна. Поздравьте жениха и невесту.

Агишин (*холодно*). Поздравляю вас, Елена Васильевна и Андрей Гаврилыч! (*Пьет и ставит бокал*).

Человек уходит в залу.

Андрей. Да, вот как, Николай Егорыч! (*Обнимает Агишину*). Друг ты мне, друг единственный и навеки. Ты все моему счастью – главная причина: ты мне первый указал Елену Васильевну, ты же меня и познакомил с ними! Я этого век не забуду! А вот мы с тобой сейчас за здоровье Елены Васильевны снова выпьем. Для такого случая и новое вино нужно, свежее; а это уж выдохлось. (*Уходит в залу*).

Агишин (*с презрительной улыбкой*). Он счастлив, как глупый школьник.

Нина Александровна. Николай Егорыч, не осуждайте нас.

Агишин. Как я смею осуждать вас! и за что? Вы становитесь выше общественных предрассудков, вы, для счастья

дочери, смело идете навстречу пересудам и осуждениям! Я должен только удивляться вашему уму и героизму Елены Васильевны...

Елена. Это не героизм!

Агишин. Так что же?

Елена (*тихо*). Это сделка с совестью, о которой вы говорили! Я не хочу пропускать случая и хочу взять от жизни все, что она может дать мне.

Агишин (*тихо*). И отворить двери рая тому, кто так долго томится у их порога!

Входит Андрей, за ним человек с бутылкой шампанского и двумя стаканами на подносе.

Андрей (*Агишину*). Теперь мы с тобой выпьем, по душе... без фальши, как друзья, как братья, за дорогое, бесценное здоровье Елены Васильевны!

Агишин (*берет стакан*). Пусть золотая жизнь ваша, Елена Васильевна, всегда играет, как это вино! (*Пьет*).

Андрей (*берет стакан*). Я говорить не умею; но пусть жизнь моя вам докажет, сколь душевно я люблю вас, и что нет того на свете...

Агишин. Сбился, Андрюша.

Андрей (*сквозь слезы*). Постой! И нет того в мире, как бог свят, что б я не сделал, чтобы хоть малость заслужить любовь вашу...

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

Небольшая семейная комната в квартире Карминых. Две боковые двери: одна, налево от актеров, в гостиную, другая, направо, во внутренние комнаты; мебель мягкая, обитая французским ситцем; с правой стороны такой же маленький диванчик и круглый стол. Вечер, на столе свечи.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Нина Александровна сидит в задумчивости и нюхает спирт. Елена в длинной батистовой юбке, в кружевной кофте, уже совсем причесанная, лицо осыпано пудрой, входит из двери справа.

Елена. Что ты, мама? Что с тобой? Опять нервы?

Нина Александровна. Ах, я себя браню, я очень глупо поступила.

Елена. Как, что такое?

Нина Александровна. Ах, Лена, назвала гостей, и старики Белугины будут... Уж коли звать гостей, так надо было хоть занять денег, да...

Елена. Да бал задать?..

Нина Александровна. Бал не бал, а все же надо было приличный вечер сделать... Наговорили всем, что выдаю дочь за миллионера, все приедут в ожидании чего-то особенного... А что у нас?

Елена. Ну, вот мы им этого миллионера и покажем. Чего ж еще?

Нина Александровна. У тебя всё шуточки, а мне, право, так неловко, так неприятно!..

Входит Андрей Белугин, во фраке, в руках шляпа, в которой два бархатные футляра.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Нина Александровна, Елена и Андрей.

Елена. Скажите, пожалуйста!.. он без церемонии прямо...

Андрей. Ничего-с...

Елена. Куда вы? Подите вон! Сюда без спроса не ходят!

Андрей. Ничего-с...

Елена. Рано, рано еще, видите, я не одета!

Андрей. Это для нас ничего-с.

Елена. Для вас ничего, да для меня...

Андрей. И для вас ничего, потому я в другую сторону смотреть буду.

Нина Александровна. Ах, какой он милый!..

Елена. Ну, что вам надо?

Андрей. Дело есть спешное; я вчера забыл-с.

Ставит ильяпу на стол. Нина Александровна с любопытством заглядывает в нее.

Может, деньги нужны-с?..

Нина Александровна. Нет, нельзя сказать, чтобы особенно нужны были...

Андрей. Вы извините, я не с тем, чтоб-с... Всяко бывает-с... Там особенно или не особенно!.. Ну, там фрукты, али вино, али что другое-с, только чтоб самое редкое-с, чего на свете не бывает!.. Вот две тeneвых.

Нина Александровна подходит к нему, он дает две сто-рублевые ассигнации.

И, пожалуйста, не жалейте-с... Если еще что понадобится, так только одно слово!

Елена. Мама, ну вот.

Нина Александровна. Taisez-vous!¹

Елена. Faites vos preparatifs sans tarder!²

Нина Александровна. А l'instant!..³ Какой он милый!..
(*Андрею*). Напрасно вы беспокоитесь; но все-таки это не лишнее, и я вам очень благодарна. Какой он милый, Лена!..
(*Уходит, заглянув еще в шляпу*).

¹ Молчите! (франц.)

² Устраивайте все скорей! (франц.)

³ В миг! (франц.)

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Елена и Андрей.

Елена. Ну, уходите же! Мне стыдно.

Андрей. Нет, как уходить-с! (*Вынимает бумажник и достаёт из него билеты*). Это вот вам, Елена Васильевна, приданое-с, чтобы не сказали... (*Подает билеты Елене*).

Елена. Что такое?

Андрей. Билеты, именные, ваши-с!

Елена. На что мне они, что мне с ними делать?

Андрей. Да что вам угодно. Тут семьдесят пять тысяч.

Елена. Так много!.. Нет, нет, я не возьму!

Андрей. Что за много-с!.. Вы меня обижаете-с!.. Неужели я семидесяти пяти тысяч не стою? Да мне давали за невестами по сту тысяч и больше, да я не брал, а у вас только семьдесят пять-с!

Елена. Нет, мне страшно, я боюсь...

Андрей. Это от непривычки обращаться с этим товаром; а мы так их пошвыриваем довольно равнодушно. (*Берет руку Елены и вкладывает билеты*). Чего их бояться-с? Положите их; они будут лежать смирно, ни шуметь, ни бунтоваться не будут, а в случае надобности сослужат вам службу, какую прикажете... Не лишнее-с...

Елена. Мне кажется, что я отнимаю у вас, лишаю вас чего-то, обижаю вас!

Андрей. Не сумлевайтесь, не обидите! У нас, купцов, все расчет, и обидеть нас таки довольно мудрено. Это только мой годовой доход, барыш, прибыль, значит-с; а капитал – он в неприкосновенности.

Елена. Какой вы добрый и благородный человек!

Андрей. Да что такое, помилуйте-с! *(Достает из шляпы футляр и подает Елене)*. Деньги – это само собой-с, то ваше собственное, про то и говорить нечего; а это прошу принять как подарок от жениха-с!

Елена *(раскрыв футляр)*. Ах, браслет, звезды, бриллианты!

Андрей. Вот извольте надеть сегодня, при свечах-то они и заиграют.

Елена. Но зачем так много бриллиантов! Ведь это очень дорого.

Андрей. А себя-то вы что ж дешево цените! По-моему, так для вас дорогого ничего нет-с! Ведь бриллианту место нужно. Ну, что он значит в магазине в футляре? Да другая и наденет, так ни красы, ни радости, только на бриллианты и смотреть, а не на нее – а коли на вас бриллианты, так они сами радуются; не они вас красят, а вы им цены придаете.

Елена. Merci, merci!.. Как хорошо! Кто выбрал?

Андрей. Сам, у Фульда-с!

Елена. У вас и вкус есть! *(Кладет футляр на стол)*.

Андрей. Уж по невесте можно судить, что у меня вкус есть-с.

Елена. И остроумие! Поминутно новые достоинства открываются!

Андрей. Теперь, я думаю, скоро наши будут.

Елена. А я еще не одета!

Андрей. Поспееете... Только они не надолго, уж вы не обидьтесь и не удерживайте их; и то насилу уговорил, они только взглянуть... на вас! Так уж вы им во всем блеске!.. Уж я вас прошу-с!..

Елена. Уж не беспокойтесь!.. Это не ваше дело! (*Взглянув на Андрея*). Ай, завит!

Андрей. А что же-с?

Елена. Да нехорошо. Ну что за баран!.. Извольте все это уничтожить!

Андрей. Так я, пожалуй, хоть под гребенку-с!

Елена (*гладит ему волосы рукой*). Волосы такие хорошие!

Андрей (*ловит ее руку и целует*). Очень я вам благодарен, что интересуетесь! Так а-ля дьябль-с или прикажете а-ля капуль? Нынче в моде-с!

Елена. Да ни а la diable, ни а la капуль – никак; а просто, натурально!

Андрей. Так точно и будет-с! Сейчас к парикмахеру! А какие вы в этом наряде... Уж очень-с!.. Смертушка моя приходит-с.

Елена. А кто сказал, что смотреть не буду?

Андрей. Да никакой возможности нет утерпеть-с! Вот

плечико просвечивает... ведь уж это что такое! Если бы только осмелиться!..

Елена. Что?

Андрей. Устами.

Елена (*оглядываясь, подставляет плечо*). Ну, целуй и убирайся!

Андрей (*поцеловав в плечо*). Лечу-с! (*Уходит*).

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Елена, потом Нина Александровна.

Елена. Я богата!.. Это совсем что-то новое, только хорошее! Это как-то поднимает меня, делает солиднее, устойчивее, и немножко... вот мне самой смешно... немножко как будто умнее!

Входит Нина Александровна.

Нина Александровна. Покажи-ка, покажи, что он подарил тебе?

Елена (*задумчиво*). Вон посмотри, мама.

Нина Александровна (*открыв футляр*). Ах, ах, какая прелесть! И как ведь это дорого, должно быть.

Елена. Конечно, дорого; но вот это дороже.

Нина Александровна. Что же, что еще?

Елена (*подавая билеты*). Вот на, сочти!

Нина Александровна. Билеты Купеческого банка!.. По десяти тысяч!.. Боже мой!.. Лена!.. Пять, шесть, семь!.. (*Расматривает последний билет*). Семьдесят пять тысяч! Ведь это целое состояние!

Елена. Ну, не очень большое, а все-таки состояние. Да, по нынешнему времени, когда деньги так дороги и так нужны, интересны всем, получить такую сумму нам... нам, когда у нас ничего, то есть почти ничего...

Нина Александровна. Ах, Лена, я в себя прийти не мо-

гу! Это такая неожиданная радость... радость за тебя, дитя мое!

Елена. Значит, главное сделано. Теперь, что бы впереди ни было, что бы с нами ни случилось, мы с тобой покойны, мы обеспечены! Возьми, убери их – пригодятся на черный день! Видишь, я недаром пожертвовала собой!

Нина Александровна. *(целуя дочь)*. Чудесная, золотая головка!.. Я так рада, так рада... *(Взглянув на дочь)*. Лена! видно, я малодушнее тебя: я чуть не прыгаю от радости при виде такого богатства, а ты и не улыбнешься!

Елена. Эти деньги – не всё для меня; мне этого мало; я еще молода, мама, я не жила, меня манит жизнь!

Нина Александровна. Конечно, ты все-таки жертва.

Елена. Не то, мама, не то...

Нина Александровна. А что же, друг мой?

Елена. Мама, мы сделаем уговор...

Нина Александровна. Изволь, какой тебе угодно.

Елена. Мама, я скоро буду богатой, независимой женщиной; твои заботы, твоя опека надо мной кончились; но я хочу, чтобы мы с тобой любили друг друга по-прежнему... ну, по-прежнему, как тогда, когда я была еще ребенком! И потому я прошу тебя, чтоб ни одного упрека, ни одного косого взгляда, если...

Нина Александровна. Что «если»?

Елена. За одну только богатую жизнь я бы никогда не отдала себя: я хочу быть свободна!

Нина Александровна. Лена, мне одно только нужно, чтобы ты была счастлива!.. Сумей только быть счастливой!

Елена. Постараюсь. (*Обнимает мать*). Мама! я могла бы ведь этого и не говорить тебе, так цени же мою любовь и детскую преданность. Теперь пора одеваться; я невеста и хочу быть красавицей! (*Уходит*).

Нина Александровна. Как нынче девушки-то, как посмотрю я, смелы стали, как решительно переступают они этот порог!.. А мы-то, бывало... и себя я помню, и других... сколько дум, сколько гаданий! сколько слез!.. Жизни-то ничего не понимали; выйдешь замуж, муж-то тебя балует, рядит, как куклу, да и вертит, как куклой... Кто-то приехал, кажется. Хорошо, коли кто из близких. (*Отворяет дверь в гостиную*). А, это Николай Егорыч, свой человек! Пожалуйте, пожалуйста сюда! У нас еще никого нет!

Входит Агшин.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Нина Александровна и Агишин.

Нина Александровна. Милости просим! Побеседуйте, пока гостей нет, да и Лена еще одевается.

Агишин. Здравствуйте, Нина Александровна! Захлопотались? у вас теперь большая забота!

Нина Александровна. Ну, уж теперь заботы у меня почти нет!

Агишин. Что же так?

Нина Александровна. Благодаря щедрости и благородству милого Андрея Гаврилыча... Он целое состояние, он семьдесят пять тысяч подарил Лене!

Агишин. Еще бы! Иначе и быть не могло. Да то ли еще от него будет! только умеючи повести себя с ним.

Нина Александровна. Как это умеючи?

Агишин. С достоинством. Не радоваться, не удивляться его подаркам, а принимать их равнодушно, с холодностью, как должную дань. Надо ему дать почувствовать, что все его дары – ничто в сравнении с тем счастьем, которое вы ему дали. Одним словом, надо его так выдержать, чтобы он с удовольствием возил воду, когда его запрягут. Да, вы создали себе блаженную будущность, Нина Александровна, хотя, надо признаться, вы и не дешево за это заплатили.

Нина Александровна. Я искала блаженной будущности

не для себя, а для дочери.

Агишин. Об ней не беспокойтесь: она умна и, вероятно, устроит свое счастье. В ее положении только нужно...

Нина Александровна. Что нужно?

Агишин. Отказаться от идеальных взглядов и полегче глядеть на разные долги и обязанности...

Нина Александровна. Какой вы опасный человек!

Агишин. Слишком много чести для меня. Все, что я могу, краснея, признать за собой – это небольшой практический ум.

Нина Александровна. Но вот и Лена готова, а уж я пойду, займусь хозяйством. (*Уходит*).

Входит Елена.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Агишин, Елена и потом Нина Александровна.

Агишин. Честь имею кланяться! Самый ранний гость.

Елена. Как я рада, что еще никого нет. Мы можем поговорить свободно.

Агишин. Вы сегодня обворожительны.

Елена. Да, я постаралась немножко украсить себя, но сегодня не для вас. Я сегодня дебютирую в очень трудной роли и еще робею, еще не уверена в своих силах.

Агишин. Очень естественно: все дебютанты робеют. Это пройдет скоро. Поживете, и сами увидите всю пошлость жизни, тогда будете, поверьте, смелее! Жизнь не стоит того, чтобы над ней задумываться; вся она – не что иное, как комедия.

Елена. Неужли только комедия?

Агишин. И очень, очень несерьезная. Что у вас сегодня?

Елена. Во-первых, будет появление родителей Белугиных, потом наедут наши добрые знакомые. Белугины, разумеется, будут исследовать меня, а наши знакомые – Андрея Гавриловича. Каждому будет интересно подглядеть на моем каком-нибудь движении, следы душевной муки или тому подобное; но никто ничего не увидит: я останусь загадкой!

Агишин. Браво!

Елена. Чтобы иметь поболее свободных минут, я распо-

рядилась насчет музыки, будем танцевать с вами. Но, признаюсь, меня все эти церемонии, все эти представления очень утомляют; мне бы хотелось, чтобы эта комедия поскорей кончилась. А для отдыха я сейчас после свадьбы хочу ехать за границу... Как вы находите мой замысел?

Агишин. Бесподобно!

Елена. Я уж говорила вчера Andre: он согласен. Но он, по своим делам, не может уехать надолго; он только проводит меня и пробудет недели две со мной, потом вернется в Москву, а я останусь с маман.

Агишин. Я рад за вас, что вам пришло это в голову: это очень счастливая мысль!

Елена (*с волнением*). Не угодно ли и вам с нами? Я вас приглашаю.

Агишин. Благодарю вас! Я и сам давно мечтал о такой прогулке. Маменька будет при вас, или вы при маменьке?

Елена. Чему же это мешает? Мама меня никогда не стесняла и вперед стеснять не будет.

Агишин. Это хорошо, что Андрюша едет с вами.

Елена. Почему же?

Агишин. Надо его помаленьку приучать к той роли, которую он... то есть которую вы заставите его играть впоследствии...

Елена. Как жестоки эти слова!

Агишин. Vous l'avez voulu, vous l'avez voulu, George

Dandin!..⁴

Нина Александровна (*в дверях*). Лена, Белугины приехали. (*Уходит*).

Елена. Пройдите вперед или останьтесь здесь. Мама их, вероятно, приведет сюда.

Агишин. Ступайте одни; я пройду здесь и явлюсь в залу. Я ход знаю...

Елена уходит.

Пока дело идет хорошо, а дальше, конечно, пойдет еще лучше. То только и хорошо, то только и удастся, что умно задумано. Главное дело составить план, а строить уж не хитро. (*Уходит направо*).

Слева выходят Нина Александровна, Гаврила Пантелеш, Настасья Петровна, Елена и Андрей.

⁴ Но ты этого хотел, ты этого хотел, Жорж Данден! (Из комедии Мольера «Жорж Данден»)

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Нина Александровна, Гаврила Пантелеич, Настасья Петровна, Елена и Андрей, потом человек.

Нина Александровна. Пожалуйста, пожалуйста, здесь у нас уютная семейная комната, мы уж будем как свои. Я так давно желала познакомиться... так рада...

Гаврила Пантелеич. Н-да-с, хоть нежданно, негаданно, а приходится познакомиться, уж нельзя без этого.

Настасья Петровна. Привел господь!

Гаврила Пантелеич (*к Елене*). Ну-с, любите да жалуйте, уж какие есть, не взыщите!

Нина Александровна (*указывая на диван*). Прошу вас!
Белугины садятся на диван; Нина Александровна в кресле рядом с Гаврилой Пантелеичем; Елена и Андрей стоят подле Настасьи Петровны. Гаврила Пантелеич, не обращая ни на кого внимания к громко отпыхиваясь, оглядывает потолок комнаты. Человек подает на подносе чай Белугиным и уходит.

Нина Александровна. Еще не зная и не видя вас, я уже вас полюбила.

Гаврила Пантелеич. За что ж бы это, к примеру, вам полюбить нас?

Нина Александровна. Ах! ваш сын, моя Лена – это так близко и нам... я так люблю мою Лену!..

Гаврила Пантелеич. Ну, то они, а то мы. Конечно, давай бог ладу и нам, а им совет да любовь!

Нина Александровна. Я надеюсь... у Лены такой прекрасный характер... такое доброе сердце!

Елена. Мама, ты приписываешь мне такие добродетели, которых у меня нет.

Нина Александровна. Ах, друг мой, ты еще не знаешь себя, ты так молода!

Настасья Петровна (*к Елене*). Да, коли вышло у вас такое согласие с Андрюшей, так уж полюбите его... Он у нас такой хороший, добрый. А нам бы глядеть на вас да радоваться... Уж позвольте. (*Целует Елену*).

Гаврила Пантелеич. Без любви да без согласия, мол, что уж! А чтоб надо по закону: да боится и да любит жена мужа своего! К примеру, вот мы с Настасьей Петровной тридцать лет прожили, а этой музыки, чтоб караул кричать, не бывало. Выругаешь ее когда под горячую руку – смолчит; после уж разве выговорит, если не по резонту обида. Ну, и измены какой друг другу – это уж избави и храни заступница! Я – топор, она – пила на этот счет, если б что!

Нина Александровна. Ах, если б вы знали мою жизнь с мужем... Я схоронила его три года назад... Ах, это было дружество с первого дня и до конца! Я не утешена после моей потери, и вот только она одна привязывает меня к жизни.

Елена. Мама, кто-то приехал.

Нина Александровна. Поди, Лена, встретить.

Елена уходит, за ней Андрей.

Гаврила Пантелеич (*посматривая на потолок и указывая рукой*). А в этом месте протекает!

Нина Александровна. Ах, уж и не смотрите: наша квартира такая дурная; мы очень недовольны!

Гаврила Пантелеич. А, к примеру, как плата от вас?

Нина Александровна. Мы платим очень дорого... восемьсот рублей в год.

Гаврила Пантелеич. Н-да, за такие хоромы дорогонько!.. Ну, да и за восемьсот царских палат не наймешь.

Человек (*в дверях*). Софья Николаевна приехали-с.

Нина Александровна. Ах, простите, мои дорогие, я вас оставлю на одну минуту, на одну только минуту! Мы никого не ждали, но наши добрые знакомые...

Гаврила Пантелеич. Что ж?.. ничего-с, мы и одни посидим!

Настасья Петровна. Вы, пожалуйста, без церемонии... не стесняйте себя...

Нина Александровна. Я сию минуту! Мне так много еще хочется говорить с вами. (*Уходит*).

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Гаврила Пантелеич и Настасья Петровна.

Гаврила Пантелеич (*вслед Нине Александровне*). Об чем это, не слышать ли? Кажется, все переговорили, все ненужное-то, а нужного-то у нас... не бывало. Стало быть, и говорить... больше не о чем!..

Настасья Петровна. Кажется, она – дама простая и обходительная.

Гаврила Пантелеич. Ахи да охи! Как словно ее кто поджаривает!

Настасья Петровна. Ну, как, Гаврила Пантелеич, на твои глаза?

Гаврила Пантелеич. Это чего?

Настасья Петровна. Нареченная-то дочка наша?..

Гаврила Пантелеич. Пышность, форс! Ну, а что там дальше-то – неизвестно.

Настасья Петровна. Уж очень, Гаврила Пантелеич, в ней эта великолепность! И словно как не девушка, а дама какая высокая... как смело матери отвечает! так и отрезала.

Гаврила Пантелеич. Потому что ты – дура! Нынче в том и образование, чтоб за словом в карман не лезть.

Настасья Петровна. Любить-то она его будет ли?

Гаврила Пантелеич. Ну, это старуха надвое сказала... ничего... гонку она ему даст!

Настасья Петровна. Как же это?

Гаврила Пантелеич. По всей видимости, я так думаю: друга себе заведет она, а друг этот самый после сзади мужа будет рожки ему строить, носы наставлять... Чертушка, мол, ты, чертушка, спасибо тебе! Поишь, кормишь жену-то для чужих.

Настасья Петровна (*в слезах*). Как же это Андрюша Таню-то сменял?

Гаврила Пантелеич (*грозно*). Настасья, аль ты приказ забыла?

Настасья Петровна (*отирая глаза*). Молчу, молчу, Гаврила Пантелеич, только что сердце мое надрывается.

Гаврила Пантелеич. Опять?

Настасья Петровна. Нет, нет, батюшка!

Гаврила Пантелеич. А вот что: не пора ли гостям ко дворам?..

Настасья Петровна. Что ты, что ты, Гаврила Пантелеич! Посидим хоть немножко – обидятся.

Гаврила Пантелеич. А коли нам здесь делать нечего, коли мне не по душе! Чего еще, угощенья, что ли, ждатель хочешь? Не видывала!..

Настасья Петровна (*закачав головой*). Ах, конфуз ведь это!

Гаврила Пантелеич. Опять ты язык свой!..

Настасья Петровна. Ох, молчу.

Гаврила Пантелеич. Ну!

Входят Нина Александровна, Елена и Андрей.

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ

Гаврила Пантелеич, Настасья Петровна, Елена, Андрей и Нина Александровна.

Нина Александровна. Тысячу раз простите, мои дорогие; мне так совестно... я вас оставила!

Гаврила Пантелеич. Ничего-с... Нам, однако, и время... часы поздние...

Нина Александровна. Ах, что вы, что вы! Не обижайте нас!..

Настасья Петровна. Он ведь у меня – сырой человек, Гаврила Пантелеич: они не могут никак долго не привычка-с!..

Гаврила Пантелеич (*кланяясь*). Просим прощенья!.. Уж извините-с!

Нина Александровна. Как вам угодно; я стеснять вас не смею. Но позвольте мне сожалеть и надеяться, что в будущий раз... Ах, я и сама к вам!..

Гаврила Пантелеич. Милости просим!..

Нина Александровна (*обнимая Настасью Петровну*). Как я жалею, как я жалею!

Настасья Петровна. Вы, пожалуйста, себя не беспокойте. А только что Гаврила Пантелеич, они у нас – такие люди, что им никак невозможно: им стеснительно. Уж позвольте... (*Целует Елену*).

Андрей (*подходя к отцу*). Сами изволите видеть... Что же вы скажете?

Гаврила Пантелеич (*у двери*). Ну, что уж! Ослепли, братец, вот как! Настасья Петровна...

Настасья Петровна. Иду, иду, Гаврила Пантелеич... (*Обнимаясь с Ниной Александровной*). Им, знаете, Гавриле Пантелеичу, часик посидеть – и довольно. А то уж снять сюртук да отдохнуть требуется.

Идет Нина Александровна, Елена и Андрей за нею.

Куда же вы, зачем беспокоитесь?

Нина Александровна. Нет, уж я вас провожу... Ах, как мне больно, как мне больно!..

Настасья Петровна. Ну, так уж Андрюша-то с Еленой Васильевной пущай останутся, пущай забавляются...

Гаврила Пантелеич, Настасья Петровна и Нина Александровна уходят.

ЯВЛЕНИЕ ДЕСЯТОЕ

Елена и Андрей.

Андрей. Вы думаете, Елена Васильевна, что я не понимаю, что я вас не стою, что это одно только счастье мне необыкновенное-с?

Елена. Ну, это как знать, кто кого стоит!

Андрей. А и во мне есть-с (*ударяя себя в грудь*), ого есть-с... разве только не захотите обратить внимания!

Елена. Поживем, так узнаем друг друга!

Андрей. А только теперь я очень конфужусь, провалиться, кажется б, сквозь землю! Все на меня смотрят, а я ни повернуться, ни слова сказать... Стакан чуть не уронил, чай на какую-то даму на платье пролил.

Елена (*смеется*). Это ничего... Конечно, лучше стаканов не ронять и платьев не обливать! А конфузиться нечего: как умеете, так и держите себя!

Андрей. Я это понимаю-с!

Елена. Приободритесь, имейте побольше достоинства, ведите себя просто, как всегда! Ведь все это страшная пустота: болтают, сплетничают, говорят пошлые любезности или пускают шпильки друг в друга...

Андрей. Уж я теперь вооружусь! А вот я сейчас для куража стакан шампанского выпью. (*Целует руку Елены*). Поддержали вы меня-с.

Елена. А вот много поцелуев и вообще нежностей я не люблю! Да еще вам приказ: не извольте гоняться за мною, держитесь подальше!..

Андрей. И не подойду теперь! (*У двери*). Человек! Дай-ка, братец, сюда бутылочку шампанского.

Елена. Когда будем танцевать, можете только кадрили...

Андрей. Слушаю-с...

Елена, кокетливо ударив его по плечу веером, идет быстро в гостиную.

Андрей (*ловит ее и целует ее руку*). Не могу! Последний раз!

Елена уходит.

Андрей. Эх, вся эта канитель – и к чему? Тоска здесь смертная... Взять бы саночки, да в Стрельну на своих серых!.. Эх, мороз-морозец, аленькие щечки!..

Входит Агишин.

ЯВЛЕНИЕ ОДИННАДЦАТОЕ

Андрей, Агишин и человек с бутылкой шампанского.

Андрей. А, вот он! Поди-ка сюда! (*Горячо схватывает Агишина в объятия*).

Агишин (*освобождаясь*). Стой, стой, задавишь!

Андрей (*ударяя его по плечу*). Эх вы, слабость, хилость!.. Ха, ха, ха!..

Агишин (*пожимаясь*). Эка сила и свежесть у них, у чертей, завидная!

Андрей. Садись, выпьем. (*Сажает на диван. Человеку*). Ну-ка, послужи; налей нам, да и убирайся, а бутылку оставь! *Человек наливает и уходит.*

Андрей. Ну-ка, давай по душе... (*Чокаются и пьют*). Скажи-ка ты мне, ты, человек разумный, образованный: любит она меня или нет?

Агишин. Если теперь еще не любит, то потом уж полюбит непременно!..

Андрей. Почему так?

Агишин. Потому что свежесть, сила – чего же еще! Уж как там ни финти перед женщиной, а коли природы мало, так не много возьмешь! А у вас этой здоровой любви...

Андрей. Да уж, брат, душу ли за нее положить, в охапку ли взять покрепче – уж этого у нас так-то много, что и девать не знаем куда.

Агишин. Все это хорошо, а совесть-то у тебя есть? Когда же мы?..

Андрей. Что же это? Насчет чего?

Агишин. А прощанье с холостой жизнью – холостая пирушка? У невест бывает девишник, а мы мальчишник делаем!

Андрей. И разотлично! Так распорядись. Хочешь – у меня дома, а то так за Крестовскую! Только, чтобы уж вприрядку с тобой танцевать. (*Ударяет его рукой по плечу*).

Агишин. Ой, ой! Уж ты выражай чувства как-нибудь иначе, а не дерись!

Андрей. Ну, теперь пойду, приглашу танцевать какую-нибудь барышню, куражу довольно! Только все кислота какая! (*Уходит*).

Агишин. Мил, мил! Ну, что за Андрюша у меня! Только какие у них длани!.. Вот этак, сохрани бог, попадешься! Нет, тут подумаешь!

Входит Елена.

ЯВЛЕНИЕ ДВЕНАДЦАТОЕ

Агишин и Елена.

Елена (*опускается на диван*). Я бешусь... Я просто зарыдать готова!..

Агишин (*садится рядом*). Что с вами?

Елена. Я совсем не выдерживаю своей роли: я или раздражительно весела, или не слышу, что говорят мне!

Агишин. Что за ажитация! Я от вас не ожидал. Будьте благоразумны.

Елена. Но из чего же я бьюсь, из чего же я бьюсь, скажите?

Агишин. Из того, чтобы приготовить себе приятную жизнь в будущем.

Елена. Я вас возненавижу!.. Ведь все это фразы, холодные фразы. Я еще не так пала, чтобы притворяться по холодному расчету!.. Где же мне поддержка? Где же та страсть, ради которой я играю комедию? где же она... моя опора? Ведь иначе я должна презирать себя!

Агишин (*берет ее руку*). Чего же, чего же вам нужно? (*Целует ее руки*). Я люблю вас, люблю больше своей жизни, но разве здесь место, здесь время...

Елена. Ну, вот только мне и нужно, только мне и нужно!.. А то я изнемогаю! (*Шепотом*). Давно бы, Давно...

Агишин (*целует ее руки*). О, целая жизнь не стоит этой ми-

нуты!

Андрей показывается в дверях и уходит.

Елена (*заметив Андрея, встает*). Он видел!

Агишин. Ничего, пусть привыкает... Приласкать немножко – вот и все! (*Уходит*).

Елена. Но все-таки надо поправлять дела... Теперь у меня опять силы, и вот сейчас проба!

Отходит к стороне. Входит Андрей.

ЯВЛЕНИЕ ТРИНАДЦАТОЕ

Андрей и Елена.

Андрей (*не замечая Елены*). Мне почудилось, мне почудилось!.. (*Хватает себя за голову*). Нет, я видел здесь, здесь... Господи! или, в самом деле, почудилось, что ли!

Стоит в задумчивости. Елена подходит к нему сзади.

Елена. Об чем, об чем? Разве женихи задумываются?

Андрей молча смотрит на нее.

Что за грозная туча на челе вашем?

Андрей. Так, мне что-то почудилось или померещилось!

Елена (*хохочет*). Ха, ха, ха! Не то ли, что у меня Агишин руки целовал? Ха, ха, ха! Извольте сейчас его вызвать на дуэль! Хотя я еще и не ваша, хоть он, как старый знакомый, мог горячо пожелать мне счастья и целовать мои руки, но вы вызовите его на дуэль и убейте, убейте непременно!

Андрей. Коли так-с, извините!

Елена. Ах, как это мило! Он ревнив, он... Отелло! (*Смеется*). Это мне нравится. Значит, он и вперед будет ревновать, а кто ревнует, тот любит!

Андрей. Вот все и свалилось! Вы все можете – я погубить, и осчастливить человека! (*Берет руку и целует*). Эта ручка-с... ну, одно слово, ваш-с – что хотите, то со мною и делайте!

За сценой музыка.

Елена. Пойдемте танцевать.

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Декорация первого действия. Та же комната, но богаче отделанная и обставленная. Семейные портреты стоят на полу, а вместо них висит дорогая картина.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Прохор, один, обметает мебель.

Прохор. Старики с фабрики приехали; два раза присылали узнать, дома ли. Ну, где, мол, скоро ль их дождешься? За город кататься поехали! Авось хоть при стариках-то угомонятся немножко, а то ведь это наказание сущее: каждый день либо с утра до поздней ночи, либо с вечера на всю ночь, а ты до четырех утра не спи, дожидайся их! (*Подходя к портретам*). Что эти идолы-то тут стоят! Прибрать бы их, да не знаю, куда повесить.

Входит Настасья Петровна.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Прохор и Настасья Петровна.

Прохор. Сами пожаловали...

Настасья Петровна (*садясь*). Ждала, ждала, Да уж моченьки моей нет... Часа четыре как с железной дороги приехали; сижу у окна да гляжу, как сыч.

Прохор. Теперь, чай, скоро будут; потому если на вечер куда, так переодеться домой заедут.

Настасья Петровна. Как тебя звать-то?

Прохор. Прохором, сударыня!

Настасья Петровна. Ты, что ли, Прохорушка, Андрюшу-то одеваешь?

Прохор. Нет, у них свой камердинер есть; а мое дело – передняя, да вот комнаты убрать, ну, опять у стола – мало ли дела!

Настасья Петровна. А почивают-то они где?

Прохор. Андрей Гаврилыч (*показывая налево*) вот здесь, на своей половине, а Елена Васильевна (*указывая направо*) – у себя, на своей-с.

Настасья Петровна. Как, врзсь?

Прохор. Так точно. Как следует.

Настасья Петровна. Неужели и всё так?

Прохор. Всё так-с, как следует, как завсегда у господ бывает – на две половины.

Настасья Петровна. Да ведь муж-то и жена – одно, какие ж тут две половины? Коли бог сочетал воедино, на что же пополам-то делить?

Прохор. Уж это не нашего ума дело. Стало быть, так следует. Надо полагать, что так лучше, либо мода такая, а то кто б им велел!

Настасья Петровна. Что это ты, уж не врешь ли, Прохорушка?

Прохор. Что мне, помилуйте! Обыкновенно две половины: и гости, ежели к Андрею Гаврилычу или по делам, так они у себя принимают; а ежели к Елене Васильевне – так они на своей половине принимают.

Настасья Петровна. И гости-то разные?

Прохор. Разные-с.

Настасья Петровна. Ну, а чай как поутру?

Прохор. Завсегда врозь: потому Андрей Гаврилыч раньше встают и чай пьют, а Елена Васильевна позже – и кофе кушают.

Настасья Петровна. А обедают?

Прохор. Кушают вместе, уж это везде так.

Настасья Петровна. Ну, то-то уж, а то ведь это все одно что чужие. А согласно живут-то?

Прохор. А этого мы знать не можем, потому редко их и видишь: только что за столом-с. Когда Андрей Гаврилыч вечером покойной ночи желают, так ему ручку дают поцеловать; поутру тоже, когда с добрым утром – так опять ручку.

Настасья Петровна. Все ручку да ручку. (*Качает головой*).

Прохор (*прислушивается*). А вот, должно быть, и приехали: что-то задвигали в передней, и дверями хлопают, и разговор слышно.

Настасья Петровна. Так я в Андрюшины комнаты пойду. Коли это мой старик, так ты не сказывай, что я здесь. (*Уходит в дверь налево*).

Прохор уходит в переднюю. За сценой голос Елены Васильевны: «Пустите, что за глупости! Пустите, говорю я!»
Вбегают Елена, за ней входит Андрей.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Елена и Андрей.

Елена. Сумасшедший, что вы делаете?

Андрей. А что такое? ничего-с!..

Елена. Я ведь не ребенок; можно ль носить на руках да еще на лестницу?

Андрей. Ничего-с, своя ноша не тянет. Я вас и дальше хотел нести, да кабы не вырвались, дотащил...

Елена. Куда это дальше?

Андрей. До самого до места...

Елена. До какого?

Андрей. Да ведь устали, отдохнуть захотите – так уж я прямо в спальню и хотел доставить.

Елена. Вот как! Это очень мило.

Андрей. Так я сию минуточку-с!

Елена. Ну, нет, не трудитесь! Я и сама дойду, настолько-то сил у меня хватит. До свидания!

Андрей. Куда же вы?

Елена. Я пойду, переоденусь.

Идет к двери, Андрей за нею.

Нет, нет, отправляйтесь на свою половину.

Андрей. Только и всего-с?

Елена. Чего же вам еще?

Андрей. Не много-с...

Елена. Ах, нет! вы очень нынче умно вели себя, вас следует наградить. (*Гладит по голове Андрея и целует*).

Андрей. Что же это, насмешка-с? Нет-с, уж лучше не дразните меня и не играйте со мною. У меня натура горячая и силы довольно-с. Другой раз заиграете, так, пожалуй, и не отыграетесь от меня.

Елена. А, вот как! Ну, так я буду осторожнее. Прощайте!

Андрей. Однако что ж это за тиранство, Елена Васильевна?

Елена. Какое тиранство? Ах, оставьте, пожалуйста!

Андрей. Как оставить? Поговорить надо, я желаю-с!

Елена. После как-нибудь. (*Хочет идти*).

Андрей (*берет ее за руку*). Нет, уж извините. Откладывать зачем же – очень накалило. Вот почти месяц вы моей женой считаетесь, а жена ли вы мне? Какая моя жизнь? Забрался, было, в мечтах-то выше облака, да вот и свалился. Ведь я вас любил, выше всего на свете ставил... Вы думаете, легко мне говорить теперь в глаза, что вы меня обманули?

Елена. Чем обманула? Как?

Андрей. Да так, хуже чего не бывает; и обманывали нас и грабили – это с нами за нашу глупость случилось, а такой обиды и во сне не снилось, и врагу не пожелаем. Что я для вас сделал – об этом я говорить не стану, потому что вы за попрек сочтете, но я вам душу, душу отдал-с... Понимаете ли, душу отдал...

Елена. Ах, тише, пожалуйста.

Андрей. Да что мне тише? Я у себя дома. Я со всем трепетом просил руки вашей, вы изволили согласиться; какие же мысли вы тогда в голове держали? Опять же в церкви вы очень веселым духом объявили ваше желание. Значит: стоято под венцом, обещаясь перед богом быть мне женой, вы задумывали из меня, на потеху своим приятелям, сделать шуту...

Елена. Какой вздор вы говорите!

Андрей. Не вздор, а все так точно-с. Ваши приятели меня поздравляют, счастливецом зовут, а вы на их слова подсмеиваетесь. Разве я не вижу? Эх!

Елена. К чему этот разговор?

Андрей. А вот к чему-с: целый месяц я делал для вашего удовольствия все, что вам было угодно; дела свои бросил и чуть не молился на вас; но только из этого хорошего ничего для меня не вышло, окромя стыда и конфуза... Но я имею свою гордость – довольно дурака-то корчить! Я теперь займусь своим купеческим делом, а вы живите, как знаете, я вам мешать не буду. Уж на вашу половину я проситься больше не стану, а если вы, паче чаяния, почувствуете ко мне расположение, так милости просим ко мне, на мою-с.

Елена. Вы нынче не в духе...

Андрей. Нет, я довольно равнодушен, а если меня что за сердце возьмет, так я с вами не так заговорю, да не дай бог нам с вами этого дожидаться!

Елена, с удивлением взглянув на Андрея, уходит в дверь

направо.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Андрей, потом Настасья Петровна.

Андрей (*подумав*). Думай не думай, а дело – дрянь. Пойти счетами заняться. (*Идет к двери налево*).

Настасья Петровна выходит ему навстречу.

Маменька!.. (*Целует мать*). Ну, слава богу, насилу-то вы собрались!

Настасья Петровна. Слышала твой голос, да боялась войти: думала, с кем чужим разговариваешь. С самим, Андрюша, приехала, с самим; все хворал, да вот собрался, с тобой об делах потолковать хочет.

Андрей. Ну, уж обрадовали, маменька! Чайку не угодно ли?

Настасья Петровна. Мы давно с машины-то; уж два раза напилась от скуки, ожидамши вас.

Андрей. Да присядьте, потолкуем.

Настасья Петровна. Ох, нет, нет! (*Садясь*). Разве на минутку... Ведь гроза надо мной: украдкой Андрюша, к вам вошла-то; а то не велел: строго-настрого приказывал, чтоб не смела. Теперь отдохнуть лег – так я сюда: сердце-то уж очень рвалось. (*Встает и обнимает Андрея*). Дай же мне хоть посмотреть на тебя хорошенько!

Андрей. Все такой же, маменька.

Настасья Петровна. Ох, Андрюша, нет, и следа твоей

прежней красоты не осталось! Что ты это, Андрюша, как худ-то стал, голубчик?

Андрей. Что вы, маменька? Так вам показалось!

Настасья Петровна (*сидясь*). Нет, Андрюша, совсем цвету в тебе не стало. Ну, скажи же ты мне про ваше житье-бытье!

Андрей. Живем... ничсго-с... веселимся...

Настасья Петровна. Конечно, нельзя же! спервоначала надо ее потешить; ну, а потом пора и к дому приучать. Что она, с тобой-то как?

Андрей. Да она ничего-с... ласкова, шутит...

Настасья Петровна. Да как же это все шутит? Что уж весело ей, что ли, очень?

Андрей (*с горькой улыбкой*). Живем да радуемся-с... Вчера в маскарад, сегодня в театр, завтра на бал куда-нибудь либо за город – так тебя и носит! От веселья да от музыки голова кругом пошла, а новых друзей, новых приятелей и не сочтешь. Все тебе руки жмут, поздравляют, «счастливец, говорят, ты счастливец!» Ну, если люди счастливцем называют, так, стало быть, счастливец и есть!

Настасья Петровна. Так-то так, да что-то речи-то твои не хороши! Ты бы толком поговорил со мною.

Андрей. А вот к вам вниз сойду, тогда и потолкуемте.

Настасья Петровна. И из-под венца-то видеть вас бог не привел: сам прихворнул, меня не пускает, плакала, обливалась. И хворает-то, да и сердится; недели две как туча черная

бродил, подступу не было. А потом, как фабрику-то распустил, дела порасстроились, хороших приказчиков да мастеров своим характером поразогнал, так и поотмяк и об тебе вспомнил. Стал жаловаться, что ты его забыл да бросил. А твоя ли вина? Он не то что тебя видеть, и слышать про тебя не хотел... Ох, Андрюша, и не след бы мне, а уж скажу: не родительское в нем чувство говорит, а за карман он боится...

Андрей. Нешто я не понимаю. Да это все одно-с. Из меня лаской тятенька все могут сделать, потому что мы к родительской ласке не приучены и никогда ее не видим. Да и не от кого-с; лаской из нашего брата хоть веревки вей. Как Сыромятовы поживают? Что Таня?

Настасья Петровна. Видно, помнишь? Житов, мучник, за нее сватается.

Андрей. Да, слышал и я. Житов – человек хороший, с душой, уж пусть бы хоть ей-то бог счастья дал!

Настасья Петровна. *(вдруг встает)*. Батюшки, никак сам?

Андрей *(прислушиваясь)*. Да, надо быть, что он-с.

Настасья Петровна. Вынеси, заступница!

Андрей. Пожалуйте сюда. *(Провожает ее в дверь налево.)*
Там коридором пройдете.

Идет в переднюю, навстречу ему выходит Гаврила Пантелеич.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Андрей и Гаврила Пантелеич.

Андрей. Пожалуйте, батюшка, пожалуйте!

Гаврила Пантелеич. Да, вот задумал побывать в Москву, поглядеть, как вы тут.

Андрей. Мы, слава богу-с! (*Подвигая кресло*). Милости прошу, пожалуйте-с! Чайку не прикажете ли?

Гаврила Пантелеич. Присесть присяду, а чаю не надо. (*Садится*). А я вот, брат, призадумываться стал.

Андрей. Что же такое, насчет чего-с?

Гаврила Пантелеич. Хворость, брат, одолевает. Да и дух не тот, не прежний. Зачем? для чего? Думаю: суета сует все это! Хочу, брат, о душе подумать, а то пристигнет час воли господней – и покаяться путем не успеешь.

Андрей. С чего же такие мрачности у вас в голове-с?

Гаврила Пантелеич. Да веселиться-то мне нечего. Коли сил нет, так без помощника плохо.

Андрей. А я то-с?

Гаврила Пантелеич. На приказчиков какая уж надежда! Воровать друг перед другом взапуски – вот на это их взять!

Андрей. Да я-то на что же-с?

Гаврила Пантелеич. Ну, где уж тебе? Нет, не туда дело поехало!

Андрей. Почему же так? Я при деле быть могу.

Гаврила Пантелеич. Ты-то пожалуй, да принцесса-то твоя – не низко ли ей покажется?

Андрей. Это дело до нее не касающее.

Гаврила Пантелеич. Ну, как, братец! Она, к примеру, такое пирожное, сидит и на фортепьяне играет, а ты из красильни, как шут какой, в кубовой краске в залу-то ввалился! Так одно к другому не подходит.

Андрей. Ничего-с! Коли им не угодно, я один уеду; а они могут в Москве остаться.

Гаврила Пантелеич. В конторе беспорядки, книги запущены, приказчиков поразогнал, получения плохи!

Андрей. Это уж на что хуже-с!

Гаврила Пантелеич. Пока ты наблюдал, так дело шло в лучшем виде, а теперь не скоро и распутаешь. До того дошло, что хоть прикончить фабрику-то, так в ту ж пору.

Андрей. Нет, как можно-с, дело миллионное! Для вас все суета, а я – человек молодой, я жить хочу.

Гаврила Пантелеич. Убытков боюсь. Фабрика – такая машина, что коли она в порядке, так барыш, а коли порядку нет, так она года в два все твое состояние съест. Так вот я затем в Москву-то поговорить с тобой. Приходи вниз завтра пораньше, потолкуем, на чем-нибудь надо решить. Я думаю здесь Москве пожить: захвораешь, так дохтура близко; помолиться когда, так святыни много.

Андрей. Милости просим: я низ отделал, там для вас всякое спокойствие будет.

Гаврила Пантелеич. Уж видел, что отделал – швыряй деньги-то! (*Заметя портреты*). Эге! вот ты их куда разжаловал, стариков-то!

Андрей. Я хотел их туда вниз-с...

Гаврила Пантелеич. Ну да, подальше куда-нибудь, чтоб с глаз долой: на чердак или в сарай их, чтоб не зазорно было, что у нас, мол, деда – не князя, не бояре...

Андрей. Нет-с, не потому-с...

Гаврила Пантелеич. А кто, Андрей, нам с тобой деньги-то дал? откуда все эти шелки да бархаты, и кто нам эти палаты выстроил?

Андрей. Все это я понимаю-с...

Гаврила Пантелеич. А какво было наживать-то ему? Ведь он в лапотках в Москву-то пришел, на себе воду возил, недоедал, недосыпал, и под дождем, и на морозе...

Андрей. Все это при нем и останется-с.

Гаврила Пантелеич. Коли ты труды его ни во что ставишь, так хоть за ум-то почти! Ума-то в этой голове было не то, что у нас с тобой!

Андрей. Да я за все его почитаю и уважаю-с.

Гаврила Пантелеич. Поглядывай на него почаще, так сам умней будешь. (*Строго*). Подай мне их, я им место найду!

Андрей. Извольте-с. Я давно Прохору говорю, чтоб он их вниз снес. Вы напрасно в сердце приходите изволите.

Гаврила Пантелеич. Не напрасно! Погляди на себя хо-

рошенько, то ли ты делаешь-то? Ты, может, думаешь, что родители-то – звери, что они к детям все с сердцем да с грозой; так нет, брат, и тоскуют по вас иногда, бывает, что и до слез... (*Утирает глаза и, махнув рукой, идет к двери*).

Андрей (*останавливая отца*). Позвольте-с! Что же так со слезами уходить, будто я вас обидел? Ведь я ваш сын-то; нужды нет, что я хожу во фраке, а и во мне тоже этой дикости довольно, достаточно. Вы меня за самое сердце задели, а я – русский человек: в таком разе могу все, что для меня дорогого, сейчас пополам да надвое. Скажите одно ласковое слово, так все брошу, и не то что конторщиком или машинистом – кочегаром у вас на фабрике буду.

Гаврила Пантелеич. Ну, ну, бог с тобой! Родня мы, родня, вижу.

Андрей. Крутое сердце у меня, тятенька.

Гаврила Пантелеич. Да вижу, вижу...

Андрей. Но и не дурак притом...

Гаврила Пантелеич. Заходи завтра утром, столкуемся. (*Уходит*).

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Андрей, потом Прохор.

Андрей (*берется за голову*). В самом деле, на дедушку-то посматривать: не поумнею ли? Нет, конечно, надо приставать куда-нибудь, к одному берегу. Баринном мне не быть, так хоть купцом-то остаться порядочным. Довольно разыгрывал дурака; пора за ум взяться. Вот когда думать-то моей глупой голове, да думать так, чтоб лоб трещал; а что обдумаю – хорошо ли, дурно ли, – так уж завинтить накрепко. Прохор!

Входит Прохор.

Не пушай ко мне никого.

Прохор. Слушаю-с.

Андрей. Ни одного человека. (*Уходит в дверь налево*).

Входит Елена Васильевна.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Елена и Прохор.

Елена. Кто был здесь?

Прохор. Гаврила Пантелеич и Настасья Петровна приехали с фабрики, так приходили к Андрею Гаврилычу.

Елена. А где он, Андрей Гаврилыч?

Прохор. У себя в кабинете. Не приказали беспокоить: делом заняты.

Елена. Ко мне, кроме Агишина, никого не принимать...

Прохор. Слушаю-с. (*Уходит*).

Нина Александровна входит.

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Елена, Нина Александровна, потом Прохор.

Елена. Мама, что ты такая кислая?

Нина Александровна. Я совсем умираю от мигреней; да и ты сегодня что-то не в духе.

Елена. Мне скучно, мне тяжело, мне надоела моя жизнь!

Нина Александровна. Ах, Лена, как я страдаю за тебя! Ты начинаешь раскисиваться? Это ужасно. Я предчувствовала, что между вами ничего не будет общего; ты до сих пор нисколько, кажется, не сошлась с ним.

Елена. Да, он мне чужой, совершенно чужой. Я замечаю, что он гораздо лучше, серьезнее, умнее, чем я прежде о нем думала; в нем есть решительность, отвага. Я его уважаю и даже нельзя сказать, чтобы я была к нему совсем равнодушна; какое-то довольно теплое, как бы родственное чувство есть к нему.

Нина Александровна. Что ж тебе еще?

Елена. Но, мама, в нем нет этого «чего-то», что нравится женщинам, что их покоряет. Такой недостаток уничтожает все в мужчине. Мне иногда очень жаль его, особенно когда я вижу его отчаяние; но чтоб оказать ему ничтожную ласку, мне надо сделать над собой большое насилие.

Нина Александровна. Ты его уважаешь этого, кажется, довольно бы...

Елена. Для меня мало.

Нина Александровна. Но чем же все это кончится?

Елена. Не знаю; но, кроме того, есть еще помеха... Мама, я тебя обманывать не стану: сегодня или очень скоро должна решиться моя участь. Может быть, я поступлю дурно, но не проклинай меня, а прости и пожалей...

Нина Александровна (*вслух*). Лена, боже мой! Дитя мое, что у тебя в голове?..

Входит Прохор.

Прохор. Господин Агишин.

Елена. Просить.

Прохор уходит.

Ничего, ничего, мама; это я так, я сильно выразилась. Иди, приляг, успокойся! Мы после поговорим.

Нина Александровна. Ну, хорошо; ну, бог с тобой! Я знаю, что ты меня пожалеешь. (*Целует дочь и уходит*).

Входит Агишин.

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ

Елена и Агишин.

Агишин. Ваше здоровье?

Елена. Как всегда.

Агишин. Пощадите, Елена Васильевна, половина моих приятелей готовы в сумасшедший дом! Только и речей, только и вопросов, что о вас.

Елена. Я не очень малодушна, меня это не радует несколько. Напротив, я страдаю, очень страдаю.

Агишин. Что с вами? это меня пугает.

Елена. Я сторяча, не одумавшись, сделала самый важный шаг в жизни, я поторопилась выйти замуж. С первого же дня замужества я почувствовала раскаяние: я сделала дурное дело.

Агишин. Мне кажется, вы просто хандрить начинаете.

Елена. Я чувствовала и чувствую раскаяние, только я стараюсь заглушить его в себе – но не в силах! Когда я кинулась в эту жизнь, я увидала, что задача, которую я взяла на себя, мне невыносима, что я не та, какой я себя представляла, что я лучше! А уж дурное дело сделано, и его уж не воротить.

Агишин. Вам надо отдохнуть, вам надо отдохнуть! Успокойтесь немного, а потом... скоро мы с вами за границу, под другое небо! Вернетесь вы оттуда веселая и бодрая...

Елена. Но я притворяться не могу и не стану.

Агишин. Посмотрите на других женщин: как легко они...

Елена. Не говорите мне, не говорите мне о других женщинах! я не хочу их ни судить, ни брать с них примера. Я чувствую, чувствую всем моим существом, что могу принадлежать только одному, иначе... иначе гадко, отвратительно! Мое нравственное чувство возмущается при одной только мысли...

Агишин. Все нравственность, все еще идеалы!..

Елена. Нет, какие идеалы? это просто отвращение! Я не знаю, какое это чувство: нравственное или физическое; но знаю, что без этого чувства человек не человек.

Агишин. Или вы существо особенное, или я совсем не понимаю женщин! По-моему, что за любовь, что за страсть без интриги, без проступка!

Елена. Проступок уже сделан, да не проступок, а преступление. Разве не преступление то, что я сделала с Андреем? Я умышленно обманула его, любя другого, и для другого я сделалась его женой, хотя по имени только; но ведь это имя – чужое, и состояние, которым я пользуюсь, – чужое! Ведь это воровство!

Агишин. Но чего же вы хотите?

Елена. Чего я хочу? Я скажу всем, и скажу решительно: я хочу открыто разойтись с мужем.

Агишин. Что вы, что вы! Ведь это позор!

Елена. Да, позор! Я хочу, чтоб все знали, что я такое! Я хочу перенести должное, заслуженное, и затем жить, как

сердце хочет. Позором, одним позором только могу я теперь часть искупить мое преступление и добыть вновь свободу, которой я лишилась.

Агишин. Но... но... я не понимаю, что же делать?

Елена. Очень просто! ну, хотя бы так: завтра, послезавтра мы с вами вдвоем за границу!

Агишин. Гм... да... И это у вас решено?

Елена. Да, решено! Что же? Вы поражены, вы, кажется, просто испуганы? Или мне только кажется так?

Агишин. Нет, нет, а только такой шаг!

Елена. Да какой же еще шаг? Всякий другой хуже, безнравственнее!

Агишин. Нужно подготовиться, нужно обдумать: последствия слишком серьезны.

Елена (с гневом). Так вот что! Вы не готовы, вам нужно еще обдумать!

Агишин. Не за себя! Боже мой, поймите, за вас! Такие вещи под минутной вспышкой не делаются, тут нужно все...

Елена. Минутная вспышка! Чувство такое созревшее и сильное, что я не подорожила ничем, пошла на преступление, – и вы осмелились назвать его минутной вспышкой!

Агишин. Извините, простите! Нет, вот что! За себя я на все, на все готов, умереть на плахе готов за вас; но, любя вас, я дорожу вами и трепещу за каждый ваш шаг; я думаю над каждым вашим движением! Я хочу видеть самое отдаленное будущее, знать самые крайние последствия.

Елена. Довольно, довольно!.. Я верю вам; да, я вижу теперь, что и мне нужно подумать. (*Отворачивается в сторону*).

Входит Андрей.

ЯВЛЕНИЕ ДЕСЯТОЕ

Елена, Агишин и Андрей.

Агишин. Здравствуй, друг!

Андрей (*холодно*). Наше вам почтение!

Агишин. Что с тобой? Ты еще от маскарадов не очнулся?

Андрей. Нет, очнулся, от всех маскарадов очнулся... А много я их видел – и вчера, и сегодня, и в маскараде маскарад, и дома маскарад!

Агишин. Что за разговор, мой друг? Ты чем-нибудь взволнован, огорчен?

Андрей (*сухо*). Это уж мое дело! (*Елене*). Я хотел с вами, Елена Васильевна, – собственно с вами – побеседовать: но ведь мы еще успеем, завсегда можем... (*С горькой улыбкой*). Свои люди!.. Извините, что помешал! Извольте продолжать ваш разговор-с. (*Уходит*).

ЯВЛЕНИЕ ОДИННАДЦАТОЕ

Елена и Агишин.

Агишин. Что с ним? Он зверем смотрит! Минута, кажется, не совсем удобная, чтобы нам с вами продолжать начатый разговор. (*Подходит и берет ее за руку*). Завтра или на днях мы возобновим его.

Елена. Не поздно ли будет?

Агишин. Нет, нет, куда торопиться! Вы успокойтесь! А теперь до свидания! Так, так, так, отлично! Смелый, решительный шаг в жизни – это очень хорошо! Мы поедем, мы с вами поедем. До свидания! (*Уходит*).

Елена (*вслед ему*). Не поедешь ты, не поедешь: вижу я теперь тебя! И для него-то столько жертв и такие страдания! Но что же я? где я? зачем я здесь? (*в слезах закрывает лицо руками*). Какое я жалкое создание, какое ничтожное!

Входит Андрей.

ЯВЛЕНИЕ ДВЕНАДЦАТОЕ

Елена и Андрей.

Андрей. Не плачьте, я вас сейчас утешу.

Елена (*с грустью*). Ах, это вы! Что вы?

Андрей. Вы плачете, может быть, оттого, что себе стесненные чувствуете, так я вам свободу дам-с! Да и мне она нужна. Как бы вы меня ни ценили – шутом ли, дураком ли, – это ваше дело-с; только ведь и шуту отдохнуть надо! А если всё его поминутно дразнить, так он озлобится и зверем станет! И давайте мы с вами начистоту, от чистого сердца, значит! И слов будет немного – к чему они-с? все дело как ясный день видно! Все наружу вышло: и тайны ваши, и любовь ваша. А к кому – об этом говорить не нужно-с... А зачем вы меня к этому делу припутали и над сердцем моим надругались – это мы разбирать не будем; это уж после пусть бог рассудит! А теперь нам одно: чтобы каждому по своей дороге, чтоб друг другу не мешать! И отличное будет дело-с: вы уж поезжайте с ним за границу, как вы изволили собраться; денег у вас довольно-с... Извините-с, я вас деньгами не попрекаю... я вам даже вот что скажу: коли мало будет, еще возьмите-с! души не жалел для вас, пожалею ли денег-с! Так вот и извольте ехать. А я уж... ну, уж я там свой предел найду-с, а вам и не интересно, да и знать обо мне не для чего-с!.. Только, любя вас, я вам признаюсь, хоть и не надо бы, что мне будет не так

уж больно весело, как вам!.. (*Сквозь слезы*). И что погибли на свою бездольную голову я буду очень рад-с.

Елена (*с рыданием*). Да хоть не плачьте, это невыносимо!

Андрей. Да-с, об чем плакать? Это точно-с: плакать уж нечего, поздно!.. Только вот что-с, вы уезжайте скорей, скорей, говорю вам!.. И ради бога, ради самого бога, чтобы ничего промеж вами на глазах моих!.. Потому я еще люблю вас, с собою не совладаю и могу быть страшен. Я убью вас, его – ко мне уж давно к горлу подступает и грудь давит! Я дом зажгу и сам в огонь брошусь!.. Ради бога, пожалейте вы меня и себя... Собирайтесь – и бог с вами! Прощайте!

Быстро уходит в среднюю дверь Елена, рыдая, падает в кресло.

ДЕЙСТВИЕ ПЯТОЕ

Декорация четвертого действия.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Нина Александровна, Елена (выходят из боковой двери справа), потом Прохор.

Нина Александровна. Как это неприятно, как это неприятно! Вот какие дурные замашки у этих людей! Как ты расстроена, бедная Лена!

Елена заглядывает в дверь налево.

Что, нет его там?

Елена. Нет.

Нина Александровна. Не умеют они вести себя, никакой в них порядочности нет, никакого снисхождения к женским нервам.

Елена. Где он, что с ним? Убежал вчера как сумасшедший, и вот до сих пор его нет.

Нина Александровна. Кто ж его знает! Ведь это уж такие люди: они свои чувства умерять не умеют, у них все через край – и хорошее и дурное, и радость и горе. От радости они готовы плясать и обнимать всякого встречного, а горе или в вине топят, или что-нибудь еще хуже.

Елена. Мама, ты меня пугаешь...

Нина Александровна. Кажется, тебе его жалко немножко?

Елена. Очень естественно: у него горя не было – откуда оно перешло к нему, от кого?

Нина Александровна. Разумеется, как его не жалеть! и мне его жалко, уж давно жалко...

Елена. Надо будет успокоить его; страшно видеть людей, которые собой владеть не умеют.

Нина Александровна. Да, да. А ведь я думала, что ты после вчерашнего, сердисься на него

Елена. За что? Он был прав по-своему, совершенно прав. Я должна была ждать этой выходки: ведь он не кукла же, наконец! Да в его словах и не было ничего обидного, в них было гораздо больше любви, чем упреков. Неизвестно, кто сильнее в это время страдал: я или он.

Нина Александровна. Все-таки не мешало ему быть деликатнее и не доводить тебя до обморока. Ты расстроилась и не спала всю ночь, бедная моя Лена!

Елена. Я привыкла не спать по ночам, а поутру – я сама не знаю зачем – я все слушала, не будет ли звонка в передней. Меня сначала удивило, а потом испугало, что он совсем не явился домой. Ах, как он меня любит, как сильны страсти у этих простых людей!

Нина Александровна. Тем лучше: значит, тебе только приласкать его немного, и он опять – твой покорный раб.

Елена. Без сомнения, я об этом и не беспокоюсь несколько. Но у меня еще как-то не все ясно в голове; мне чего-то недостает, не хватает решительности и что-то мешает.

Нина Александровна. Я была бы очень рада, Лена, если б ты освободилась от дурных влияний.

Елена. Да, мама, я, кажется, освобожусь. Я много пере-
думала и перечувствовала в эту ночь.

Нина Александровна. Слушайся более голоса сердца,
Лена! Совесть, долг – не пустые слова. Кто думает их заглу-
шить в себе, тот ни покоен, ни счастлив быть не может.

Елена (*подумав*). Да, да, правда твоя.

Входит Прохор из средней двери с чемоданом.

Андрей Гаврилыч еще не бывал?

Прохор. Никак нет-с; они внизу, у Гаврилы Пантелеича,
там и чай кушали.

Елена. А когда же он домой приехал?

Прохор. Да они вчера не поздно-с; только прошли дру-
гим ходом: не хотели звонить, чтобы вас не беспокоить.

Елена. Мама, мы ошиблись: он имеет снисхождение к
женским нервам.

Нина Александровна. Их не скоро поймешь, мой друг.

Елена. Зачем же ты чемодан несешь?

Прохор. Да хочу укладываться: на фабрику едут – только
позавтракают. Сейчас приказали здесь у них закуску накры-
вать. (*Уходит в дверь налево*).

Елена. На фабрику... он мне об этом ничего не говорил.

Нина Александровна. Вероятно, отец посылает; он сам
не знал. Ну, теперь твои волнения кончились. Ах, у меня там
кофе стынет. (*Уходит направо*).

*Выходит Андрей; на нем теплый кафтан с меховой опуш-
кой, подпоясан ремнем, в русских высоких сапогах.*

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Елена и Андрей.

Андрей. С добрым утром-с! (*Кланяется и почтительно целует руку Елены*).

Елена. Где вы были?

Андрей. Где я был-то-с? А вам на что же? у тятеньки был.

Елена. Нет, где вы вчера были?

Андрей. Приятеля встретил, Сыромятова. У него и был-с. Да это уж мое дело.

Елена. Да, конечно, извините. Я совсем не то хотела спросить. Вы здоровы?

Андрей. Что ж это вам вдруг такая особенная печаль обо мне пришла?

Елена (*строго*). Отвечайте на вопрос! Вы здоровы?

Андрей. Слава богу-с!

Елена. С меня и довольно. Я желала знать о вашем здоровье, потому что беспокоилась за вас. Вы вчера были так расстроены...

Андрей. Это с нами случается-с, пошумим... Так неужто с этого хворать? Это уж много будет!

Елена (*осматривая его*). Что вы, в маскарад собрались?

Андрей. Нет, на фабрику-с. Извините, что в таком виде! Теперь не до моды: надо за работу приниматься.

Елена. Да ничего, это к вам идет.

Андрей. Идет ли, нейдет ли – уж на это мы не смотрим. Теперь время зимнее, у нас на фабрике и немцы и англичане в таких тулупчиках ходят. Потому – бегать по корпусам то в ткацкую, то в лоботорию...

Елена. В лабораторию...

Андрей. Так точно-с. Мудреное слово-то, не скоро выговоришь. Да и в красильне, промежду чанами, вертеться во фраке-то – оно не очень способно.

Елена. И вы надолго едете?

Андрей. Не знаю-с. Месяца три пробуду, а может, и больше. Да что и в Москве-то делать? какая тут радость особенная?

Елена. Да, вот как!

Андрей (*прислушиваясь*). Кажется, наши идут-с. Ко мне на закуску-с. Так уж вы меня не конфузьте! А как будто между нами ничего не было. Разъедемся с миром: я на фабрику, вы – за границу.

Входят Сыромятов и Таня.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Андрей, Елена, Сыромятов и Таня.

Андрей (*Елене*). Это мой старый приятель-с...

Сыромятов. Уж извините-с. Сыромятов по фамилии, Василий Иванов-с.

Андрей (*Елене*). А это его сестра-с, Татьяна Ивановна Сыромятова. (*Тане*). Супруга моя, Елена Васильевна.

Таня (*подавая руку Елене*). Очень приятно познакомиться.

Сыромятов. Ну, уж! где нам знакомство такое! (*Елене*). Не важная-с особа: за мучника выходит.

Андрей. Да капитал-то у этого мучника больно здоров; он всех нас купит. (*Тане*). Видно, у вас на фабрике воздух очень здоров.

Таня. Почему так?

Андрей. По красоте вашей сужу. Вы еще лучше прежнего стали, много превосходнее.

Таня. Так мне и надобно: ведь я – невеста.

Андрей (*Тане*). А если я опять, по-старому, начну вам свою любовь выражать, ваш муж меня на дуэль не вызовет?

Таня. Не знаю.

Сыромятов. Что за дуэль! У нас так не водится. По-нашему, поленом – вот и все...

Андрей. Хорошее обыкновение у вас, и другим перенять

его не мешает.

Таня. Я-то поправилась, а вы-то на что похожи? Что вы, нездоровы были, или что с вами?

Андрей. Я ничего-с, я здоров и всем доволен.

Таня (Елене). Уж вы, Елена Васильевна, берегите его, чтоб он здоровый был, веселый – вот как я.

Елена. Я очень бы рада была, если б он был здоров и весел.

Таня. Любить его надо хорошенько, вот он и весел будет.

Елена. Хорошо, я последую вашему совету. А скажите, пожалуйста: у вас там, на фабрике, я думаю, тоска невыносимая...

Таня. Нет, отчего же? У нас знакомство большое иностранцев много, англичан; у них жены – такие музыкантши. Все газеты получаем, журналы.

Елена. Но ведь там ничего достать нельзя. Вот, например, приданое: неужели за всякою малостью в Москву ездить?

Таня. Кто и в Москву ездит, далеко ли тут? А мы мало за чем сюда ездим.

Елена. Неужели там покупаете?

Таня. Нет, мы из Парижа выписываем. От нас туда постоянно ездят, редкий месяц okazji не бывает; как что новое, сейчас и получаем. Мне одних шляпок с дюжину привезли – любую надевай.

Елена. Вот как! Вам позавидуешь.

Андрей. (*Сыромятову и Тане*). Пожалуйста ко мне, пожа-

луйте закусить!

Таня (*Елене*). А вы что же?

Елена. Я не хочу.

Андрей. Им еще рано, они только что встали. (*Провождает Сыромятовых в дверь налево*). А вот и тятенька с маменькой!

Входят Гаврила Пантелеич и Настасья Петровна.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Андрей, Елена, Гаврила Пантелеич и Настасья Петровна.

Андрей. Пожалуйте-с! С женой прощался-с.

Гаврила Пантелеич (*кланяясь*). Нельзя же. Честь честью.

Андрей. Ведь кто знает, скоро ль увидимся.

Настасья Петровна. Ах, Елена Васильевна, здравствуйте

Андрей. Пожалуйте, маменька.

Гаврила Пантелеич (*жене*). Иди, иди!

Гаврила Пантелеич, Настасья Петровна и Андрей уходят в дверь налево. Входит Нина Александровна.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Елена и Нина Александровна.

Елена. Мама, что ж это такое?

Нина Александровна. Что, что?

Елена. Он меня совсем знать не хочет! Он не обращает на меня никакого внимания.

Нина Александровна. Тебе так показалось,

Елена. Нет. Он на несколько месяцев уезжает на фабрику и объявляет мне об этом совершенно равнодушно, как посторонней женщине. Где ж его обожание?

Нина Александровна. А ты давеча говорила, что он тебя очень любит...

Елена. А вы давеча говорили, что стоит только приласкать его немножко.

Нина Александровна. Кто ж их разберет? Мы обе ошиблись!

Елена. Ни малейшей даже теплоты, ни малейшего участия ко мне.

Нина Александровна. Да на что тебе его участие? Слава богу, что не сердится, из себя не выходит. Он уезжает на фабрику – ну, и бог с ним! Ты сама желала свободы.

Елена. Конечно, свобода для женщины – дело дорогое; но что же он думает обо мне? Я не могу допускать, чтоб меня подозревали в чем-нибудь дурном. Разве легко сносить пре-

зрительное обращение? Да и от кого же еще? От человека, которого я считала гораздо ниже себя... Что за преступление я сделала? Если я несколько виновата, так и он не прав; в нем нет ни ловкости, ни хороших манер... Я не обнаруживаю большой любви к нему... и все-таки он не имеет права, я не подала ему никакого повода презирать меня. Я хочу, я требую, чтоб он простился со мной, как следует порядочному человеку, почтительно, нежно...

Нина Александровна. Все это ты ему скажи, Лена.

Елена. Ах, мама, могу ли я? Я вся разбита, я теряю голову, ум... Я не могу управлять, владеть собой. Поговори, мама, ты с ним!

Нина Александровна. Хорошо, поговорю. Но как я его увижу? У него теперь гости.

Елена. Вероятно, он выйдет; придет же он хоть поклониться нам.

Нина Александровна. Да, конечно. Пойдем, отдохни, успокойся. Ты не спала, вот и расстроилась!

Уходят направо. Входят Андрей и Прохор.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Андрей, Прохор, потом Агишин.

Андрей. Какой там дурак накрывал? Шампанского нет. Скажи, чтоб подали бутылки две-три. Нешто проводы без шампанского бывают?

Прохор. Слушаю-с.

Идет к двери и встречается с Агишиным. Андрей идет к двери налево, но, увидав Агишина, останавливается у двери.

Агишин. (не видя Андрея). Кто дома?

Прохор. Елена Васильевна и Андрей Гаврилыч.

Агишин. А!.. Он дома?

Прохор. Дома-с, да и родители его здесь.

Агишин. Семейная картина! Ну, так я после зайду. Ты не говори, что я был.

Андрей (*подходит к Агишину и берет его за руку*). Нет, что ж, куда же бежать? Уж это зачем же?

Агишин. Новый способ иметь гостей! Тащить их силой, за ворот! Но я, друг мой, зашел мимоходом. Мне очень нужно тут, недалеко, по одному делу...

Андрей. Ну, да полно городить-то! Сюда шел; здесь твои все мысли, и всё – здесь и ждут тебя. А меня и сунуло тебе навстречу. Ну, да ничего, я сейчас еду на фабрику.

Агишин. Ты говоришь какую-то дичь! И вообще я замечаю с некоторых пор, что ты ко мне странно относишься. Ты

что-нибудь имеешь против меня? Если мы тобой не объяснимся и если мы не станем по-старому приятелями, то я должен буду расстаться с тобой навсегда, как мне ни приятно знакомство с вашим домом.

Андрей. «Что-то» да «как-то» – это все канитель! Ну, какого еще черта! А по-нашему – начистоту! Коли заговорили, так давай договаривать. Ты думаешь, я ваших штук не вижу? А если вы хотели меня дурачить, так ошиблись!

Агишин. Но я не понимаю... я все-таки не понимаю... Для меня ново, неожиданно...

Андрей. Полно, Николай Егорыч, полно! Что тень-то наводить – дело ясное. На дуэли мы с тобой драться не будем: коли дело плохо, ты его стрельбой не поправишь; сколько ни пали, а черное белым не сделать! А если у вас дальше пойдет, и шашни свои ты не оставишь, так, пожалуй, ноги я тебе переломаю; за это я не ручаюсь, от меня станется. Вот теперь разговаривай с женой. Прохор, доложи Елене Васильевне, что господин Агишин желает их видеть.

Прохор уходит в дверь направо.

А со мною говорить больше не об чем; я все сказал, что тебе знать нужно. (*Уходит в дверь налево.*)

Агишин. Нет ничего хуже, как иметь дело с этими дикими. Какой дурацкий апломб! Какая уверенность в своих супружеских правах! То ли дело – развитые, современные мужья! Они как будто конфузятся, стыдятся своего привилегированного положения и уж нисколько не верят в непри-

косновенность своих прав. Порядочный муж, коли заметит что-нибудь такое, он сейчас устранил себя... Как-нибудь да устранил... ну, там застрелится, что ли... А этот говорит: «ноги переломаю»... Да он и сделает. Вот так и гляди теперь по всем сторонам, так и поглядывай.

Входят Елена и Прохор, который проходит в среднюю дверь.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Агишин, Елена, потом Нина Александровна.

Елена. А, Николай Егорыч! как кстати! я вас ждала. Ну, что же, мы едем за границу? Вы обдумали, решили, готовы?

Агишин (*оглядываясь*). Что вам угодно? Что вам угодно?
(*Тихо.*) Да, я готов.

Елена. Ну, так пойдемте и объявим об этом открыто мужу. Надо ж его, бедного, развязать и дать ему право совсем освободиться от меня.

Агишин (*улыбаясь*). «Бедному»! А вы, кажется, начинаете чувствовать нежность к вашему мужу?

Елена. Что бы я ни чувствовала, а иначе поступить не могу! Вы готовы? Говорите: готовы?

Агишин. Что вы меня так строго допрашиваете? Да вы сами-то готовы ли? Какие у вас средства бросить мужа и жить самостоятельно?

Елена. У меня семьдесят пять тысяч... то есть, нет, меньше: мама, по своей доброте, раздала займы больше половины своим знакомым, с которых никогда не получишь.

Агишин. Так ведь это нищенство! Вас замучает только одно сожаление о покинутой роскоши, о кружевах, о бархате. Уж до любви ли тут! Вот если б вы успели в этот месяц, пользуясь его безумной, дикой любовью, заручиться состоянием тысяч в триста, тогда бы вы могли жить самостоятельно-

но и счастливо, как душе угодно.

Елена. Значит, по-вашему, чтобы быть счастливым, надо прежде ограбить кого-нибудь?

Агишин. Ну, да как хотите рассуждайте; а вы сделали ошибку большую! Задумали-то хорошо, а исполнить – характера не хватило. Вот плоды сентиментального воспитания.

Елена. Да, то есть, ум-то вы успели во мне развратить, а волю-то не умели – вот вы о чем жалеете! Помешали вам мои хорошие природные инстинкты. А я этому очень рада...

Агишин. Так об чем же нам еще разговаривать, madame Белугина?

Елена. Да я и не желаю с вами разговаривать ни о чем, monsieur Агишин.

Агишин. И прекрасно. Желаю вам всякого благополучия.
Входит Нина Александровна Агишин раскланивается и уходит.

Елена. Мама, я прогнала Агишина.

Нина Александровна. Я тебя за это бранить не стану, моя Лена. Мне он давно не нравился, я только боялась сказать тебе.

Андрей выглядывает из двери.

Елена. Сделай же то, о чем я тебя просила: поговори с ним. (*Уходит в дверь направо*).

Андрей выходит.

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Нина Александровна и Андрей.

Андрей. Где же Агишин?

Нина Александровна. Лена его прогнала.

Андрей. Что же так-с: чем не кавалер? За что же гнать хорошего человека? А я было, признаться, хотел ему стакан шампанского предложить.

Нина Александровна. Андрей Гаврилыч!

Андрей. Что прикажете?

Нина Александровна. Я с вами хочу поговорить о Лене...

Андрей. Насчет чего-с?

Нина Александровна. Вы обижаете жену.

Андрей. Помилуйте, что вы! могу ли я?

Нина Александровна. Вы ее вините.

Андрей. В чем это? и не думал-с!

Нина Александровна. А вы сами неправы...

Андрей. Чем же-с?

Нина Александровна. Знаете, в вас нет этого «чего-то»...

Андрей. Да чего – «чего-то»?

Нина Александровна. Вот этого, что нравится женщинам, что покоряет их... Ах, в вас совсем нет.

Андрей. Да уж, сколько ни ахайте: коли нет, так где же

мне взять?

Нина Александровна. Если бы вы были несколько образованнее...

Андрей. Да бог с вами! Когда мне теперь для вас обращаться! до того ли мне? у меня фабрика остановилась! Нет, это пустой разговор-с.

Нина Александровна. Она, конечно, чувствует и сама, что не совсем права перед вами.

Андрей. Да-с.

Нина Александровна. Она действительно доставила вам много огорчения...

Андрей. Ну, так что же-с? Пусть и покается!

Нина Александровна. Ах, разве вы не знаете, как всякой женщине трудно сознаться перед мужчиной в своей вине? А тем более моей Лене, потому что она не знает, не уверена, как будут ее слова приняты вами: достаточно вы деликатны, чтобы не вышло какой-нибудь сцены, унижительной для нее?

Андрей. Так кому ж нужно: нешто кто их заставляет?

Нина Александровна. Ах, ей самой нужно. Она не хочет, чтоб у вас оставалось неудовольствие на нее; она не может быть покойна, ей будет больно, очень больно.

Андрей. Стало быть, я же виноват. Этого никак понять невозможно, да и не до того мне теперь: серьезные дела в голове. Чего же им нужно еще от меня?

Нина Александровна. Ах, очень просто! Чтоб вы не

сердились на нее, не жаловались; чтоб вы пощадили ее: у ней натура нежная, деликатная – она вся в меня.

Андрей. Все же это не дело и не в порядке-с. Между мужем и женой – какие посредники! Ваши слова для меня – ровно ничего-с: может, она совсем и не думает того, что вы говорите, а одна только это ваша фантазия. Нешто такие дела через послов делаются? Да уж если вам это очень нужно, так скажите, что я их прощаю, прощаю – вот и все!..

Нина Александровна. Как, неужели только?

Андрей. Вот еще-с. *(Подает записку)*. Они хотят ехать за границу, так чтоб своих денег не тратили: по этой записке им выдадут из конторы сколько нужно на расходы. Здесь обозначено-с. Вот теперь все-с. Я сейчас уезжаю на фабрику месяца на три; видеться нам незачем-с: дальние проводы – лишние слезы. Да и некстати: меня старики провожают, так пристойно ли им будет глядеть на нас? Затем прощайте. *(Уходит)*.

Входит Елена.

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ

Нина Александровна и Елена.

Елена. Ну, что он, что?

Нина Александровна (*со слезами*). Ах, Лена, ах, Лена!

Елена. Что с тобой, мама?

Нина Александровна. Он ужасный человек, он не желает тебя видеть! Я это предчувствовала, предчувствовала...

Елена. Да что? Говори, мама!

Нина Александровна. Вот, восьми! (*Подает записку*). Он дает тебе денег на поездку за границу.

Елена. Да что он говорит-то?

Нина Александровна. Ах, Лена, он велел сказать, что прощает тебя.

Елена. «Прощает»!.. Как, что ты говоришь, мама?

Нина Александровна. «Да скажите ей, что я ее прощаю». И видеться с тобой не хочет.

Елена. Он меня прощает! Скажите! Да он мужик, невежда. Я в себя прийти не могу.

Нина Александровна. Ах, Лена, как трудно говорить с ним! Точно тяжесть какую поворачиваешь, у меня от него мигрень расходилась.

Елена. Нет, я не могу... я не могу стерпеть такой обиды. Я должна ему высказать.

Нина Александровна. Но что же, что, Лена?

Елена. А то, что он, при своем ничтожестве не смеет так презрительно относиться к людям, которые...

Нина Александровна. Оставь, Лена!..

Елена. Нет, нет! позови его, мама, сейчас позови!

Нина Александровна (*в дверь налево*). Андрей Гаврилыч, подите сюда: Лена вас просит!

Входит Андрей.

ЯВЛЕНИЕ ДЕСЯТОЕ

Нина Александровна, Елена и Андрей.

Андрей. Что за дела-с?

Елена. Кто же вам дал право так третировать меня?

Андрей. Что такое-с? И не слыхивал таких слов.

Елена (*со слезами*). Вы меня прощаете? Какую же вину вы мне прощаете? Что вы думаете обо мне?

Андрей. А не виноваты, так об чем толковать?

Елена. Но ведь вы меня оскорбили! Как вы смели так грубо обойтись со мной?

Андрей. Значит, смел-с.

Елена. Да по какому праву?

Андрей. Потому – муж-с.

Елена. Значит, муж имеет право и напрасно обижать жену?

Андрей. А хоть и напрасно, да ежели любя, так беда невелика: не в суд на мужа идти!

Елена (*со слезами*). Но что ж, по-вашему, должна делать жена, если ее напрасно обидают?

Андрей. Да разное бывает-с: дурные да злые сердятся да бранятся.

Елена. А хорошие, честные?

Андрей. Сами догадайтесь...

Елена (*сделав движение*). Неужели же?..

Андрей. Не знаю-с...

Елена (*бросаясь ему на шею*). Так, что ли?..

Андрей (*отирая слезы*). Само собой, что так-то лучше.

Елена (*прилегая к нему*). Да, хорошо мне здесь.

Андрей. Давно бы вам-с!

Елена. Но зачем же ты так грубо обходился?

Андрей. Я-то грубо? Да я нынче раз десять заплакать сбирался, только удерживался, притворялся...

Елена. Разве ты притворялся?

Андрей. Да-с. Эта мысль мне вчера в голову пришла. Думаю себе: пробовал и ласками, и слезами – не выходит; дай я свой форс на себя возьму. Вот и вышло.

Елена. Маменька, мы опять в нем ошиблись.

Нина Александровна. Ах, Лена! я в себя не могу прийти; только одно могу сказать, что я очень рада, очень рада!

Елена. Маменька, как этот форс к нему идет! какая энергия. Теперь он настоящий мужчина!

Андрей. Да я и всегда такой, только перед вами мокрой курицей был, потому – очень обожал! А теперь я по-другому буду: вот как-с! (*Обнимает Елену и целует*).

Входят Гаврила Пантелеш, Настасья Петровна, Сыромятов и Таня.

ЯВЛЕНИЕ ОДИННАДЦАТОЕ

Нина Александровна, Елена, Андрей, Гаврила Пантелеич, Настасья Петровна, Сыромятов, Таня.

Андрей (*не выпускающая Елены*). Уж извините-с, с женой заигрался. Плачет, на фабрику со мной просится. (*Елене.*) Так, что ли, говори!

Елена (*потупясь*). Так.

Андрей. Говорит, что ты там один, бобылем, будешь жить! Ни уходить за тобой, ни приласкать тебя некому. (*Елене*). Так, что ли?

Елена. Да, хорошо, так, так.

Андрей. И в гости, и прокатиться все-таки с хорошенькой женой лучше. (*Елене*). Так ведь?

Елена. Так, так.

Андрей, Там все, говорит, с женами; что ж тебе на чужое счастье смотреть? еще что-нибудь в голову придет...

Елена. Нет, уж я этого не говорила.

Андрей. Так взять, что ли?

Настасья Петровна. Бери, Андрюша, бери!

Гаврила Пантелеич. Молчи! забыла, что тебе сказано!

Настасья Петровна. Молчу, батюшка, молчу!

Андрей. Уж, видно, взять...

Сыромятов. Вот и чудесно. Семейное отделение зайдем, шампанского прихватим, чтоб веселей ехать было!..

Нина Александровна. Поезжай, Лена! А я сберусь, да завтра же к вам приеду.

Настасья Петровна. Батюшка Гаврила Пантелеич, плакать-то можно?

Гаврила Пантелеич. Плачь себе на здоровье!

Таня (Елене). Это очень приятно, что вы к нам едете.

Елена. Я у вас все шляпки пересмотрю; я и себе из Парижа выписывать буду.

Настасья Петровна. Да как же вам там жить-то будет? Ведь у нас в доме двух половин нету...

Елена. Ах, не беспокойтесь, и не нужно совсем!

Андрей. Ну, уж я для приезда такой бал задам, что в Москве нашу музыку слышно будет!..

1877